

Замѣтки петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны ¹⁾.

16 марта депутатъ Чхеидзе произнесъ въ Государственной Думѣ рѣчь, которая очень понравилась германцамъ, ее цитировалъ въ прусскомъ ландтагѣ съ особымъ смакомъ депутатъ Штребель, а „Франкфуртская газета“, „Берлинеръ Тагеблатъ“ и „Форвертсъ“ перепечатали ее цѣликомъ, а послѣдняя газета посвятила этой замѣткѣ передовую статью. Желая поддержать своего коллегу и сгладить его антипатріотическій поступокъ, депутатъ Чхенкели имѣлъ смѣлость, если не сказать болѣе, утверждать съ думской кафедры, что въ Германіи рѣчь Чхеидзе запрещена къ печати. Вотъ каковы наши демократы.

Разсказываютъ, что въ февралѣ на торгахъ при продажѣ нѣмецкихъ земель въ Екатеринославѣ крестьянскій банкъ не принималъ никакого участія, а землю скупали спекулянты.

„Русск. Инвал.“ передаетъ со словъ „Daily Chronicle“: Во французскихъ бюллетеняхъ, разсылаемыхъ по беспроволочному телеграфу, было помѣщено извѣстіе, что по свѣдѣніямъ миланскаго корреспондента газеты „Petit Parisien“, во время послѣдняго налета австрійскихъ аэроплановъ на итальянскую территорію въ районы Ферарры и Равенны съ нихъ разбрасывались пакеты съ отравленными сластями,

¹⁾ См. „Русскую Старину“ июль 1916 г.

которыя должны были распространить заразительныя и кончающіяся смертельнымъ исходомъ болѣзни.

При изслѣдованіи этихъ пакетовъ въ лабораторіи было выяснено, что содержимое ихъ состоитъ изъ сахарина и ядовитыхъ бациллъ.

17 марта. Торговцы возвышаютъ цѣны на картофель по непонятнымъ причинамъ; послѣдніе 5 мѣсяцевъ картофеля подвозилось втрое больше. Мародеры начинаютъ прятать картофель.

Вернувшаяся изъ Австро-Венгріи послѣ осмотра лагерей русскихъ военнопленныхъ сестра милосердія А. В. Романова доложила Главному управленію Краснаго Креста, что въ Вѣнѣ русскія сестры были приняты императоромъ Францемъ-Іосифомъ, при чемъ пріемъ длился вѣскольکو минутъ и носилъ характеръ любезной формальности.

Сестра Романова посѣтила въ Верхней Австріи, Тиролѣ и юго-западной части Венгріи 9 концентраціонныхъ лагерей для нижнихъ чиновъ, 11 офицерскихъ лагерей и станцій, 2 лагеря для задержанныхъ военно-обязанныхъ и около 40 рабочихъ мѣстъ.

По пріѣздѣ въ лагеря чувствовалось, что къ посѣщенію делегаціи готовились: производилась усиленная чистка, улучшалась пища. Въ числѣ районовъ, намѣченныхъ къ осмотру, не былъ указанъ восточный районъ, гдѣ, по слухамъ, существуетъ рядъ карантинныхъ лазаретовъ и крупныхъ рабочихъ мѣстъ. Районъ этотъ былъ исключенъ, въ виду будто бы близости его къ фронту, но по тѣмъ же слухамъ пленные находятся тамъ въ незавидныхъ условіяхъ.

Большинство злоупотребленій въ отношеніи пленныхъ совершаютъ низшіе чины на мѣстахъ.

Всѣ военнопленные нижніе чины въ Австро-Венгріи расписаны по 30 концентраціоннымъ лагерямъ, откуда до 70% отправляются на работы. Обстановка жизни военнопленныхъ на работахъ чрезвычайно разнообразна, лагеря же построены по одному плану, и обстановка жизни въ различныхъ лагеряхъ почти ничѣмъ другъ отъ друга не отличается.

Ближайшій надзоръ за пленными поручается заводнымъ унтеръ-офицерамъ, которые фактически играютъ главную

роль для плѣнныхъ, т. к. отъ унтеръ-офицера, какъ докладчика о малѣйшихъ безпорядкахъ лагерному офицеру, зависитъ какъ самое наказаніе плѣннаго, такъ степень налагаемаго взыскаія.

Нѣкоторые лагеря напоминаютъ городъ. Напримѣръ, въ лагерь Клейнмюнхенъ устроена электрическая колбасная фабрика, ведется свиноводство для утилизаціи отбросовъ и птицеводство. Во многихъ лагеляхъ имѣются огороды, въ которыхъ работаютъ плѣнные, при чемъ въ нѣкоторыхъ, подъ руководствомъ нашихъ спеціалистовъ огородниковъ, выращиваются великолѣпные овощи для продажи. Несмотря, однако, на присутствіе въ лагеряхъ этихъ учрежденій, пища военноплѣнныхъ ничуть не улучшена, такъ какъ колбаса, овощи и другіе производимые въ лагеряхъ продукты идутъ въ продажу для жителей страны.

Очень большое число плѣнныхъ дѣлало попытки къ побѣгу, но побѣги удавались лишь въ рѣдкихъ случаяхъ.

Несмотря на постоянное недоѣданіе, заболѣваемость среди плѣнныхъ не велика, и свирѣпствовавшія въ прошломъ году эпидеміи холеры, тифа, дезинтеріи почти прекращены. Сейчасъ встрѣчаются лишь единичные случаи брюшного тифа и довольно значительное число туберкулезныхъ заболѣваній, особенно среди татаръ и кавказцевъ. Въ лагерныхъ витекахъ гораздо больше пустыхъ банокъ, чѣмъ лѣкарствъ. Въ большинствѣ госпиталей раздаются общія жалобы на недостаточность пищи. Больныхъ выписываютъ изъ госпиталей слишкомъ рано и часто совершенно неправильно посылаютъ на непосильныя работы. Плѣнные врачи обыкновенно живутъ въ офицерскихъ лагеряхъ, подчиняясь правиламъ жизни военноплѣнныхъ офицеровъ, что не соответствуетъ правиламъ Женевской конвенціи, которая предоставляетъ врачамъ право работать въ госпиталяхъ.

Видимость лагерей—весьма благоустроенныя клѣтки, въ которыхъ томятся наши плѣнные, поставленные въ условія, отличающіяся отъ тюремныхъ тѣмъ, что они имѣютъ неограниченное право дышать свѣжимъ воздухомъ. Этотъ тюремный режимъ связывается рѣшительно со всѣмъ.

Все питаніе нашихъ военноплѣнныхъ можно характеризовать такъ: они получаютъ ровно столько невкусной пищи, сколько нужно, чтобы не умереть съ голоду и не черезчуръ быстро истощаться. Всѣ калоріи нечислены научно, и

плѣнные съ голоду пока дѣйствительно не умираютъ, но ощущение голода у нихъ не проходитъ.

Въ одномъ рабочемъ мѣстѣ сестра нашла 860 человѣкъ одежды и обуви которыхъ была въ ужасномъ видѣ, многіе были босы, не у всѣхъ были шинели или куртки.

Въ лагерь Кисситке, хотя его и называли переходящимъ, сестра нашла плѣнныхъ, живущихъ въ ужасныхъ условіяхъ съ августа 1915 года, при чемъ имъ постоянно обѣщаютъ отправить ихъ изъ лагеря на работы. Жилымъ помещеніемъ служатъ землянки-баракы, построенные по типу кирпичныхъ сараевъ, низкія земляныя стѣны подъ длинной шатровой досчатой крышей. Только по срединѣ помещенія можно стоять во весь ростъ. Оконъ нѣтъ, для вентиляціи отдушины въ крышѣ, въ нихъ заливаетъ дождь; полъ земляной, варъ нѣтъ, несмотря на пріѣздъ миссіи, на полу для спанья лишь немного гнилой соломы. Одѣяль у нихъ нѣтъ. Воды въ лагерь нѣтъ; она привозится въ бочкахъ, которыя плѣнные тащатъ по скверной дорогѣ болѣе трехъ килом тровъ. Не только для умыванія, но и для питья, воду экономятъ—около бочки дежуритъ часовой. Бапи нѣтъ. Хлѣбъ въ лагерь не выпекается, онъ доставляется весьма нерегулярно изъ сосѣдняго, бываютъ дни, когда плѣнные остаются безъ хлѣба. Карцеръ — яма, глубиной около 1½ аршина съ нарами, подъ досчатой крышей, безъ оконъ для свѣта отверстіе въ двери, которая плохо закрывается. Отопленія нѣтъ.

Режимъ, которому, какъ общее правило, подвергаются наши плѣнные, за исключеніемъ живущихъ на частныхъ баракахъ, близокъ къ тюремному.

На вопросъ сестры относительно подвѣшиванія и сковыванія, толпа неизмѣнно гудѣла въ отвѣтъ: „подвѣшиваютъ, сестрица, какъ Христа распинаютъ“.

Особнякомъ отъ вопроса дисциплины и наказаній стоитъ вопросъ о побояхъ. Здѣсь нужно отмѣтить большую разницу между Австріей и Венгріей.

Въ Австріи больше бьютъ за непослушаніе и нарушеніе правилъ. Офицерскій составъ битымъ не потворствуетъ. Въ Венгріи, гдѣ офицерскій составъ въ администраціи лагеря значительно хуже, и гдѣ народъ по природѣ болѣе жестокъ, жалобъ на побои въ видѣ наказаній, а также по произволу, значительно больше, и вообще побои въ Венгріи явленіе общее. Установлены также случаи битья палками и хлыстами.

Въ нѣкоторыхъ лагеряхъ австрійцами устроены классы для обученія нѣмецкому языку плѣнныхъ, однако эти классы мало посѣщаются плѣнными, которые гораздо охотнѣе занимаются въ устроенныхъ по инициативѣ нашихъ вольноопредѣляющихся и интеллигентныхъ нижнихъ чиновъ классахъ обученія грамотѣ, ариѳметикѣ.

Въ нѣкоторыхъ лагеряхъ печатаются спеціальныя лагерныя деньги, которыя выдаются плѣннымъ на руки.

Почта, по мнѣнiю Романовой, въ Австрiи дѣйствуетъ хуже нашей, по крайней мѣрѣ семьи военноплѣнныхъ австрiйцевъ получаютъ изъ Россiи отъ своихъ родныхъ письма гораздо скорѣе, чѣмъ наши плѣнные въ Австрiи.

Почти всѣ наши плѣнные нижнiе чины работаютъ съ утра до поздняго времени. Кромѣ внутренней работы въ лагеряхъ, плѣнные командируются на внѣшнiя работы.

Источникомъ нравственныхъ страданiй нашихъ военноплѣнныхъ является примѣненiе ихъ труда для чисто военныхъ цѣлей, что можетъ во-истину считаться наиболѣе ужасною стороною плѣна. Плѣнныхъ заставляютъ рыть окопы, подносить пищу сражающимся или работать на заводахъ и мастерскихъ, обслуживающихъ армию.

Въ лагерь Гредикъ сестра Романова видѣла солдатъ, бывшихъ старшими надъ группою плѣнныхъ на окопныхъ работахъ въ Галиции у Черновицъ.

Въ лагерь Мархтренкъ сестрѣ рассказывали, что за отказъ отъ работы на итальянскомъ фронтѣ на проводочныхъ загражденiяхъ подъ артиллерiйскимъ огнемъ изъ партii въ 400 человекъ были назначены десять человекъ къ расстрѣлу, четверо были расстрѣляны на глазахъ товарищей, послѣ чего остальные смирились.

Всѣхъ видѣнныхъ офицеровъ сестра нашла въ очень тяжеломъ удрученномъ нравственномъ состоянii. Главнымъ обстоятельствомъ, обуславливающимъ удрученность ихъ духа, является абсолютное лишенiе свободы, которому они подвергнуты. Они почти никогда не выходятъ изъ мѣстъ своего заключенiя, никогда изъ-подъ охраны часовыхъ, и если присоединить къ этому обидныя детали, какъ, напри- мѣръ, ограниченiе права имѣть при себѣ деньги, то станетъ понятнымъ, что они сравниваютъ режимъ ихъ жизни съ тюремнымъ и горько на него жалуется, хотя внѣшнiя условiя ихъ жизни нужно признать въ настоящее время вполне удовлетворительными.

За предѣлы лагеря офицеры выходятъ не болѣе одного

раза въ недѣлю и непремѣнно въ сопровожденіи австрійскаго офицера и вооруженнаго конвоя. Всякая возможность общенія плѣнныхъ офицеровъ съ населеніемъ совершенно исключена принимаемыми строгими мѣрами. Офицеры должны одѣваться на свой счетъ. Главнымъ интересомъ жизни плѣнныхъ офицеровъ является устройство побѣговъ. Вѣжать хочетъ каждый, бѣгутъ сотни, удалось же бѣжать единичнымъ лицамъ.

Пріѣздъ миссіи сестеръ имѣлъ громадное значеніе для плѣнныхъ. Бесѣда съ пріѣхавшими съ родины людьми внесла въ ихъ души живую струю и подѣйствовала на нихъ благотворно.

Отрадно было видѣть, что, несмотря на все свое тяжелое положеніе, единственная мечта и мысль cadaго плѣннаго— это дожить до побѣды Россіи: „о насъ же, сестрица, не беспокойтесь, лишь бы въ Россіи было хорошо“.

Участіе, проявленное въ ихъ судьбѣ посылкой миссіи, было горячо ими оцѣнено. Сестры видѣли не мало слезъ радости и умиленія, и въ каждомъ лагерѣ ихъ провожали единодушными словами: „сестрица, передайте привѣтъ дорогой родиной, скажите спасибо тѣмъ, что насъ послали“.

Удивительно, почему подобнаго доклада не сдѣлалъ тѣ ваши сестры милосердія, которыя были въ Германіи. У насъ былъ приведенъ рассказъ одного плѣннаго о посѣщеніи ихъ лагеря г. Самсоновой.

Генераль-отъ-инфантеріи Поливановъ оставилъ постъ военнаго министра, и его мѣсто заступилъ генераль-отъ-инфантеріи Шуваевъ.

18—19 марта. Вопреки законамъ божескимъ и человѣческимъ германская подводная лодка потопила въ Черномъ морѣ наше госпитальное судно „Португаль“, стоявшее на мѣстѣ и выкрашенное въ бѣлый цвѣтъ. Трудно назвать надлежащимъ образомъ это новое злодѣяніе культурныхъ германцевъ.

бабой. Не выдержалъ мужикъ, заступился,—такъ они его такъ избили, что почернѣлъ весь, а на другой день умеръ. Я знаю его: онъ изъ нашей деревни.

Дѣвочекъ-подростковъ хватали и насиловали тутъ же на глазахъ у всѣхъ... Крикъ, бывало, стоить: хватаютъ дѣвушку, та отбивается, кричитъ; дѣти смотрятъ, пугаются. Моя дѣвочка такъ, бывало, и затрясется вся: „Мама, мама, уйдемъ!“,—а куда уйдешь... не пускаютъ.

Расхворалась она у меня, и помочь не могу. „Домой бы мама, домой!“ А какъ домой? Куда? Раздѣты, разуты: всю одеженку нѣмцы обозные отобрали...

Маялась моя дочурка, маялась, не выдержала—умерла. И еще много дѣтей умерли: сидятъ день безъ ѣды, два сидятъ, поблѣднѣютъ, распухнутъ: сидятъ, какъ мертвые, а тамъ и душу Богу отдадутъ. Такъ вѣдь что еще: зарывать не даютъ. Другая мать ночью зароетъ, а они отроютъ,—думаютъ, не вещи ли спрячутъ. Ну, а видятъ покойникъ—и бросятъ опять въ землю какъ-нибудь. Еще пока дочка жива была, я всѣ муки ради нея терпѣла, а какъ умерла она,—не стало мнѣ силъ. Не могла ихъ больше мучителей видѣть... Рѣшила бѣжать. Пусть убьютъ на дорогѣ—уйду. Отецъ съ матерью плакали, не пускали: умремъ такъ, говорятъ, вмѣстѣ: не могу, изныла душа... Слышу, собрались бѣжать отъ нихъ трое нашихъ солдатъ. И рады бѣжать, а дороги не знаютъ. Доведите, говорятъ, кто-нибудь.

Я говорю: доведу. Я здѣсь всѣ кусточки знаю.

А мѣсто у насъ опасное: озеро, лѣса, ни ва что чужому не выйти.

Уговорились: я впереди пойду, они сзади, чтобы чуть меня видно.

Пошли часовъ въ шесть подъ вечеръ. А по небу прожекторы: все нѣмцы смотрятъ, не идетъ ли кто. Какъ покажется свѣтъ, такъ ложись лучше на землю, а то все равно убьютъ.

Ужъ я на все рѣшилась, а солдатамъ обидно было пропасть: они изъ-подъ караула ушли: рады вырваться, а тутъ на каждомъ шагу нѣмецкіе караулы и биваки.

Пришли мы къ озеру: большое, большое, и островъ посредиѣ. А я дорогу краемъ знаю, краемъ и привела, и какъ разъ къ нашимъ. И хорошо, что мы вправо пошли, а то на островѣ-то были нѣмцы.

Пришли къ нашимъ, и не вѣрятъ, какъ мы выбрались. Рассказали имъ все... Проверили наши слова.

— Слава Богу, дома... И рѣчь наша родная, и люди наши... А я ужъ и не ждала живой быть...

Разсказчица, крестьянка Виленской губ., выведшая изъ плѣна трехъ русскихъ солдатъ, получила денежную награду и представлена къ георгиевской медали 4 степени.

20 марта. „Journal des Balkans“ сообщаетъ изъ вполне достовѣрнаго источника, что въ Германіи въ послѣднее время цѣлые поѣзда съ мертвецами направляются къ пунктамъ, гдѣ сооружены особые крематоріи, въ которыхъ специальнымъ способомъ жарятся тѣла для добыванія изъ нихъ предварительно жира для выработки глицерина, являющагося необходимой составной частью взрывчатыхъ веществъ¹⁾.

Удивительныя данныя обнаружила городская петроградская комиссія по обследованію мяса, заготовленнаго г. Полферовымъ для столичнаго населенія. На городскихъ бойняхъ, въ оптовомъ складѣ мяса для городскихъ больницъ и лазаретовъ, а также въ складахъ Сиферта и Баранова комиссія нашла совершенно гнилое мясо. При входѣ въ холодильникъ всѣхъ членовъ комиссіи одурманилъ зловонный запахъ разлагающагося мяса.

Мясныя туши ослизали и начали разваливаться. Мѣстные рабочіе заявляли: это еще что! Вотъ посмотрите, что лежитъ внизу. Когда мы носили нижнія туши, даже насъ, привыкшихъ ко всякимъ запахамъ, тошнило.

По словамъ „Вечерняго Времени“²⁾ г. Полферовъ получаетъ 12 тысячъ жалованья и 6 тысячъ за вечернія занятія. Г. Полферовъ былъ горячимъ сторонникомъ снабженія мясомъ вѣмцевъ чуть ли не наканунѣ войны.

Петроградскій обыватель полагаетъ, что для вѣмцевъ мясо было бы иное, нежели то, которое осматривала комиссія.

Неужели въ этомъ вопросѣ безсильны предрѣшашіе?

Въ то самое время, когда на нашихъ страницахъ помещено описаніе быта нашихъ военноплѣнныхъ въ Германіи

¹⁾ „Нов. Вр.“ № 14381.

²⁾ „Веч. Вр.“ 30 марта.

и Австріи по отчегу нашихъ сестеръ милосердія и бѣжавшихъ изъ плѣна, именитый купецъ изъ г. Любима Ярославской губерніи передаетъ, какъ живетъ германцамъ и австрійцамъ въ этомъ городѣ:

Военноплѣнные шляются по городу почти безъ охраны, пристають къ дѣвицамъ и дамамъ на улицахъ и безобразничаютъ. Дошло до того, что мимо дома, куда водворены военноплѣнные, не стало возможности пройти ни одной женщинѣ; нѣмцы, въ томъ числѣ и офицеры, бывало, подойдутъ къ окнамъ и начинаютъ производить всякія безстыдныя дѣйствія. Это возмутило даже добродушныхъ любимичей. Они потребовали, чтобы городъ принялъ какія-либо мѣры, и городской голова послѣ долгихъ разговоровъ приказалъ замазать на половину окна у военноплѣнныхъ.

Жили военноплѣнные въ двухъ домахъ. Кому-то показалось это неудобнымъ. Нашли нужнымъ перевести ихъ въ какой-либо большой домъ. Стали искать помѣщеніе и нашли. Спрашивается гдѣ? Городъ только что успѣлъ выстроить новое городское женское училище, и его, конечно, предоставили военноплѣннымъ. Педагогическій персоналъ пробовалъ протестовать, увы, напрасно. Дѣвушекъ прогнали отсюда въ мужское городское училище, гдѣ онѣ занимаютъ въ двѣ смѣны. А въ просторныхъ комнатахъ начальницы сейчасъ блаженствуютъ нѣмецкіе офицеры.

Кормятъ нѣмцевъ великоколѣпно. Они получаютъ пищу утромъ, днемъ и вечеромъ. Утромъ къ чаю полагается ситный, обѣдаютъ они въ казармахъ у солдатъ.

Офицеры вообще чувствуютъ себя отлично. Ихъ развлекаютъ мѣстныя дамы, у нѣкоторыхъ изъ нихъ они даже имѣютъ успѣхъ. Мѣстный уѣздный казначей такъ тотъ, повидимому, весьма доволенъ новыми гостями, такъ какъ изъ его дома нѣмецкіе офицеры не выходятъ, играютъ на роялѣ, флиртуютъ съ дѣвками-подростками и, кажется, собираются обучать ихъ нѣмецкому языку ¹⁾.

Привольное житье...

Таково житье германцевъ и австрійцевъ у насъ.

Докторъ Волуйскій, недавній германскій плѣнный, приводитъ сказаніе ²⁾, какъ наши плѣнные живутъ въ Германіи. Попавъ въ плѣнъ во время боя, при перевязкѣ раненаго

¹⁾ „Веч. Вр.“ № 1425.

²⁾ „Нов. Вр.“ № 14381.

солдата, докторъ Волуйскій полагалъ, что онъ, какъ врачъ, неприкосновененъ: онъ опирался на постановленія Женевской конвенціи, подписанной и нѣмцами, гласящія, что лица медицинскаго персонала, ваятыя непріятелемъ, не есть военноплѣнные: находясь временно въ станѣ непріятелей, они могутъ занимать тѣ же врачебныя должности и получать такой же окладъ жалованья, а по минованіи въ нихъ надобности немедленно возвращаться на родину, при чемъ всѣ ихъ вещи имъ должны быть возвращены.

Докторъ Волуйскій, однако, на себѣ немедленно испыталъ, что для нѣмцевъ всѣ договоры конференцій есть пустой клочокъ бумаги. Волуйскаго тутъ же обобрали до нитки, отнявъ лошадь, медицинскіе инструменты, часы, деньги, лишь ключи вернули—ключи отъ чемодановъ, не находящихся при врачѣ. Сейчасъ же нашего доктора увезли въ Вилденбергъ, и тамъ... тамъ началось „выполненіе Женевской конвенціи“: 20 русскихъ солдатъ, ветеринара и врача Волуйскаго приказано было разстрѣлять. Русскіе солдаты стали на колѣни и молились. Нѣмцы принялись нагло хохотать.

— У меня этотъ смѣхъ стоитъ и сейчасъ въ ушахъ!— добавилъ Волуйскій.

Нѣмцы объявили, что разстрѣливать не будутъ, но генераль, допрашивая Волуйскаго, вынулъ часы и сказалъ:

— Если черезъ 10 минутъ вы не укажете мнѣ, гдѣ скрыта городская касса, я велю васъ разстрѣлять!

Дѣло въ томъ, что городъ Вилденбергъ раньше занимали русскія войска (это было въ августъ 1914 г.).

Волуйскій отвѣчалъ:

— Я—врачъ, гдѣ касса, не знаю, потрудитесь, не теряя ни минуты, убить меня. Я ничего не скажу.

Генераль спряталъ часы и далъ понять, что казнь не будетъ приведена въ исполненіе.

Выполненіе Женевской конвенціи продолжалось: плѣнныхъ заставляли спать на голомъ полу, на мерзлой землѣ, часовые стрѣляли въ нихъ за малѣйшую оплошность (такъ, былъ смертельно раненъ старенькій подполковникъ, не понявшій окрика часового), кормили мерзостями и тухлятиной. Русскихъ врачей отправили въ тифозные бараки, и тамъ наши врачи всѣ до одного заразились и переболѣли тифомъ. Гадко, трудно, какъ въ тюрьмѣ жилось врачамъ и офицерамъ, но что терпѣли русскіе солдаты,—это безъ волненія и слезъ въ голосъ не могъ передать докладчикъ.

Солдаты жили въ землянкахъ. Ихъ донималъ холодъ, голодъ и паразиты. Лежали въ повалку на землѣ. Иногда умершіе долго валялись среди больныхъ. Это былъ алъ и смерть. Умиравли массами. Солдатъ били, терзали. Даже прививка оспы совершалась, какъ пытка: студентъ-нѣмецъ, невѣжда въ медицинѣ, саблей *прорубалъ* въ рукѣ солдата длинную рану-царапину и на нее накладывалъ оспенный детритъ.

Однажды русскіе врачи заявили, что грязное содержаніе вашихъ солдатъ служить распространеніемъ инфекціонныхъ болѣзней, что надо устроить дезинфекцію и выдать чистое бѣлье: всѣ солдаты были въ черныхъ лохмотьяхъ.

Окружный нѣмецкій врачъ сказалъ:

— Хорошо, я выдамъ бѣлье, но вы сначала желаете дезинфекціи? Извольте, вамъ дезинфекція будетъ!

Что же онъ сдѣлалъ? Вывелъ всѣхъ русскихъ солдатъ въ морозъ и вѣтеръ и всѣмъ имъ, здоровымъ и больнымъ, велѣлъ раздѣться догола.

— Это, говоритъ, и есть для васъ дезинфекція.

Тутъ же на морозѣ наши солдаты и надѣли чистое бѣлье. Увы! Эта „нѣмецкая дезинфекція“ уложила массу здоровыхъ и унесла много жизней.

До 3.000 человекъ русскихъ умерло отъ тифа, не получая помощи.

Нѣмецкіе врачи также якобы лѣчили русскихъ солдатъ. Но у нихъ въ рукахъ были палки, и ими они колотили нашихъ солдатъ за малѣйшее неповиновеніе. Эти врачи-пестязатели, очевидно, глубоко павшіе нравственно, предложили имѣть палки и русскимъ врачамъ. Тѣ отвѣтили:

— Это насъ унизитъ. Стыдно такъ, вообще, вести себя врачу!

За это Волуйскаго и его товарищей лишили прогулокъ.

Такъ-то 15 долгихъ мѣсяцевъ томился врачъ Волуйскій. Подъ конецъ его плѣва пріѣзжала русская сестра милосердія (я не разобралъ фамилію), для обзора лагеря плѣнныхъ русскихъ. За три дня плѣнниковъ одѣли въ новое, въ землянки поставили кровати. Но все это не помогло: солдаты, рыдая, рассказывали плачущей сестрѣ о своихъ мукахъ. Послѣ этого посѣщенія стало жить нѣсколько легче. Нѣмецкіе доктора палками уже не дрались. Скоро Волуйскій, уже пожилой человекъ, заболѣлъ, и его, наконецъ, согласились отправить въ Россію, въ обмѣнъ за кого-то.

Г. Тупинъ, въ отвѣтъ на заявленіе барона Мейендорфа въ Государственной Думѣ о напрасныхъ навѣтахъ на нѣмцевъ, приводитъ подлинныя сказанія германцевъ объ истинныхъ настроеніяхъ г.г. прибалтійцевъ¹⁾. Сравненіе это слагается такъ:

„Быть можетъ, исторія выяснитъ, что всѣ вины, которыя возлагались на нѣмецкій элементъ, окажутся недостаточно обоснованными“. (Изъ рѣчи бар. Мейендорфа въ Гос. Думѣ 8 марта).

Профессору Эндзелину посчастливилось получить одинъ изъ послѣднихъ номеровъ журнала „Пруссаго Ежегодника“, выпущеннаго 162 томомъ. Это одинъ изъ серьезнѣйшихъ германскихъ журналовъ, и въ немъ мы находимъ три статьи, посвященныя прибалтійскому вопросу.

Матеріаль этотъ настолько интересенъ, что я приведу нѣкоторыя буквальные выдержки. При этомъ необходимо отмѣтить, что статьи написаны такими знатоками прибалтійскаго вопроса, какъ Гецъ, Фридрихъ и пасторъ Берневицъ.

Бр. Гецъ пишетъ:

„Прибалтійскіе нѣмцы всѣмъ своимъ инстинктомъ ничего такъ не презираютъ, какъ культурную принадлежность къ русскому народу: они являются такими же распорядителями Россіи, какъ были когда-то для Германіи римскіе императоры... Въ особенноти такое положеніе занимаютъ прибалтійскіе помѣщики, считавшіе русскаго Царя только своимъ сюзереномъ (Lehnheggen), до русскаго народа имъ не было никакого дѣла, еще менѣе до Русскаго государства. Только передъ особой Царя они считали себя обязанными, но отнюдь не передъ Россіей. Судьба государства ихъ интересовала постольку, поскольку ихъ сюзерень, между прочимъ, являлся и русскимъ Царемъ (86 стр.). Чувства прибалтійскихъ нѣмцевъ, покинувшихъ Остзейскій край и переселившихся въ центральныя губерніи, были антирусскія, всѣ культурныя обязанности и задачи они исполняли не какъ русскіе граждане въ пользу своихъ же согражданъ, но только исполняя волю Государя: они были и оставались... чужими господами... Благосостояніе Россіи никогда не являлось цѣлью ихъ работы, рус-

„Нов. Вр.“, № 14380.

„Русская Старина“, т. СЛXVII, Августъ 1916 г.

скій народъ былъ для нихъ только будущимъ матеріаломъ (87 стр.).

„Наступила война. Германская армія завяла Курляндію. Исполняются ли тайныя вождедѣнія тѣхъ, что ждали съ такою вѣрою“? (Стр. 96).

К. Фридрихсъ пишетъ:

„Помѣщики и пасторы, интеллигенція и торговцы добровольно бы приняли какіе угодно налоги, вздорожаніе продуктовъ и всякія ограниченія, все, что ни принесло бы имъ соединеніе съ Германіей, если бы только можно было навсегда освободиться отъ ненавистнаго русскаго рабства“ (311 стр.).

„Можетъ быть, есть люди, которые упрекаютъ нѣмцевъ въ томъ, что они съ восторгомъ встрѣчаютъ наши войска, что они всею душою желаютъ русской арміи неудачъ и позорнаго мира“.

„Только въ рѣдкихъ случаяхъ члены балтійскаго дворянства вступали въ русскую армію офицерами“ (312 стр.).

„...прибалтійскіе нѣмцы, несмотря на самыя горячія желанія присоединиться къ своей великой истинной нѣмецкой родинѣ“... (313 стр.).

„Можно заплатить за это даже цѣлый милліонъ,—сказалъ одинъ изъ либавскихъ гласныхъ, когда на Либаву была наложена контрибуція въ одинъ милліонъ. Это, по его мнѣнію, за присоединеніе къ Германіи.—Мы переживемъ, если только захотимъ, даже то, что прибалтійскіе нѣмцы за это же присоединеніе съ удовольствіемъ заплатятъ не одинъ милліонъ, но много, много милліоновъ“ (316 стр.).

„Въ ту ночь, когда былъ взятъ Гольдингенъ, одинъ изъ германскихъ офицеровъ-кавалеристовъ постучался въ двери одного изъ домиковъ... Дама-нѣмка, высунувъ голову въ окно и, полагая, что это ея племянникъ (Neffe), служившій въ германской арміи, закричала: „Вильгельмъ, это ты“? Дѣло въ томъ, что эта дама обѣщала перваго германскаго офицера, вошедшаго въ Гольдингенъ, встрѣтить дорогимъ виномъ въ старинномъ наслѣдственномъ бокалѣ. Объ этомъ случайно узналъ въ одномъ изъ курляндскихъ имѣній германскій офицеръ... И былъ бы великій праздникъ не только для Курляндіи и прибалтійскихъ провинцій, но и для всѣхъ нѣмецкихъ земель, если бы когда-

нибудь раздался зовъ отъ Балтійскаго моря до озера Пей-
нусъ и отъ Двины до Финскаго залива: „Вильгельмъ, это ты?“
(388 стр.).

Какъ сообщаетъ „J. Wahrgs“, 7 марта было получено распоряженіе, согласно которому нѣмецкому пастору Гроссу съ женой и свояченицей Киглеръ, врачу Лимоніусу съ женой и дочерью, г-жѣ Шпоръ и управляющему имѣніемъ Стамбенъ, Финкенштейну, приказано безотлагательно выѣхать изъ Роспа. У нихъ недавно былъ произведенъ обыскъ, найдены компрометирующія письма и другія вещи; у свояченицы пастора г-жи Киглеръ нѣсколько ружей, револьверъ и пр.

Задолго до войны германцы готовились къ подводной войнѣ въ Средиземномъ морѣ.

Нѣмцы думали объ этомъ уже въ 1913 году. Офицеры, которые затѣмъ должны были командовать подводными лодками, плавали въ западной части Средиземнаго моря, изучали мѣста и входили въ сношенія съ населеніемъ раскинутыхъ по морю острововъ. Осенью 1913 года два учебныхъ судна германскаго флота, — „Викторія-Луиза“ и „Ганза“, — имѣя на борту двухъ контръ-адмираловъ, шесть капитановъ, всѣхъ профессоровъ морской школы, одного адъютанта фонъ-Тирпица, нѣсколько германскихъ принцевъ и 250 учениковъ и гардемариновъ, обошли берега Испаніи и Марокко и особенно долго останавливались въ Алжезирахъ и въ Пальмѣ, на Майоркѣ. Нѣмецкіе моряки устраивали на своихъ судахъ балы, на которые приглашалось мѣстное избранное общество, и каждый день часть экипажа сходила на землю и завязывала сношенія съ портовыми жителями. Особую симпатію молодые кадеты питали къ мѣстнымъ контрабандистамъ. Во всемъ бассейнѣ Средиземнаго моря ремесло контрабандиста не внушаетъ себѣ презрѣнія, — наоборотъ, по считается весьма почтеннымъ и выгоднымъ. Германскіе морскіе офицеры, въ сопровожденіи этихъ своихъ новыхъ друзей, часто совершали прогулки по морю въ моторныхъ лодкахъ и на рыбачьихъ судахъ въ разные пункты Бадеарскихъ острововъ, между Сольеромъ и Пальмой. Нѣмцы пользовались особымъ гостепримствомъ у эрцгерцога австрійскаго Людовика Сальватора, племян-

ника австрійскаго императора. Людовикъ Сальваторъ лучше чѣмъ кто-либо знакомъ съ Средиземнымъ моремъ. Въ продолженіе тридцати лѣтъ онъ въ своей яхтѣ совершаетъ поѣздки между своими двумя помѣстьями: Мирамаре, около Сольера, и Санъ-Стефано, въ Рамле, въ Египтѣ. Его въ этихъ поѣздкахъ всегда сопровождали инженеры, гидрографы. Въ библиотекѣ эрцгерцога имѣлись неизданныя карты.

Наконецъ, наканунѣ объявленія войны изъ Бремена на рейдѣ Пальмы пришло судно съ 100.000 ящиками бензина и 10.000 ящиками керосина. Не оставалось никакого сомнѣнія, что это были припасы для германскихъ лодокъ, но, благодаря энергичнѣйшимъ протестамъ англійскаго и французскаго консуловъ, топливо это было задержано и продано съ публичныхъ торговъ.

21—22 марта. Передаютъ, что 10 марта въ Херсонскомъ губернскомъ правленіи отмѣнены торги на недвижимыя имущества германскихъ подданныхъ Карла, Эмиля и др. Фаатцовъ и Геновъ, постановленіемъ этого правленія исключены изъ списковъ имуществъ, подлежащихъ ликвидаціи, земли нѣмецкихъ выходцевъ Якова, Петра, Генриха и Карла Гуссовъ въ Тирасп. уѣздѣ.

Вѣроятно, вины этихъ господъ оказались недостаточно обоснованными (рѣчь бар. Мейендорфа 8 марта.) предержащими властями

Вотъ какъ г. Логофетъ ¹⁾ характеризуетъ историческую работу въ Ставкѣ.

Приведя себя въ порядокъ, направляюсь по Большой улицѣ къ Ставкѣ.

Главная такъ называемая Большая улица въ самомъ концѣ выходитъ на площадь, превращенную въ скверъ, по сторонамъ которой расположены съ одной стороны аданія окружнаго суда, губернскихъ присутственныхъ мѣстъ и въ глубинѣ домикъ губернатора, а съ другой городская управа съ высокою надъ нею башней, пожарной каланчей. Изъ эти двухъэтажные дома и служатъ для размѣщенія ставки штаба Верховнаго Главнокомандующаго.

1) „Развѣдчикъ“ № 1324.

Движеніе по улицѣ черезъ ея часть, прилегающую къ площади-скверу, прекращено, и поэтому весь этотъ уголокъ поражаетъ своею тишиною.

Часовые въ разныхъ мѣстахъ и особые пропускные посты оберегаютъ покой Верховнаго Вождя русскихъ войскъ, живущаго въ небольшомъ домикѣ губернатора, гдѣ Повелитель почти двухсотмилліоннаго населенія занимаетъ три скромныхъ комнаты, изъ которыхъ одна является столовой, а двѣ для его личной жизни.

И какъ-то особенно глубоко трогаетъ эта простота и полное отсутствіе какихъ-либо привычныхъ удобствъ у того, кто, добровольно отъ нихъ отказавшись, несетъ вмѣстѣ со своими войсками всѣ невзгоды войны, ограничивъ себя въ одеждѣ, столѣ и всѣхъ условіяхъ жизни.

— Историческій домикъ будетъ впоследствии, — указываетъ мнѣ комендантскій адъютантъ капитанъ Т., въ то время какъ я изъ окна рассматриваю скверъ съ окружающими его домами.

— Впоследствии комнаты необходимо сохранить со всею въ нихъ обстановкою, среди которой жилъ въ это время нашъ Верховный Вождь, — подтверждаетъ ту же мысль ожидающій отѣтки на документахъ и разрѣшенія на пропускъ внутрь сквера гусарскій ротмистръ.

— Мы, свидѣтели этой жизни, поражаемся ея простотою, — поясняетъ сейчасъ же Т.

За рѣшеткою, отдѣляющей скверъ отъ улицы, размѣщенъ штабъ и его отдѣлы: генераль-квартирмистрская часть и управленіе дежурнаго генерала.

Въ домѣ штаба помѣщается также и его душа — начальникъ штаба.

Средняго роста съ провидательными, все видящими глазами, небольшими усами и сѣдыми волосами надъ высокимъ лбомъ, генераль Алексѣевъ представляетъ собою такого исключительнаго работника, особенная сверхчеловѣческая выносливость котораго поражаетъ всѣхъ, видящихъ его, чудовищную по размѣрамъ, работу.

— Прямо не знаю, спитъ ли онъ вообще когда-нибудь, — въ раздумьи говоритъ полковникъ Б., которому я задаю рядъ интересующихъ меня вопросовъ.

Онъ всегда за дѣломъ, всегда неутомимъ, всегда бодръ и всегда все дѣлаетъ лично самъ.

Вѣдь только просмотрѣвъ дѣла штаба, можно уяснить всю колоссальность этой работы. Проекты, распоряженія,

революціи—все это, могущее образовать десятки томовъ, написаны его четкимъ бисернымъ почеркомъ. У него все отдано для службы, для дѣла. Личной жизни и какихъ-либо постороннихъ интересовъ не существуетъ.

— Рѣдкая настойчивость, удивительныя познанія, огромная сила воли и суровая внѣшность,—даетъ характеристику подошедшій къ намъ генераль, прислушавшись къ разговору.

А сердце мягкое, отзывчивое!!

Представитель Верховнаго Главнокомандующаго, генераль Жилинскій посѣтилъ бельгійскій и британскій фронты.

24 марта онъ прибылъ въ британскую главную квартиру, гдѣ сдѣлалъ визитъ генералу Дугласу Хэгу.

Затѣмъ генераль Жилинскій посѣтилъ бельгійскій фронтъ. 22 марта онъ былъ приглашенъ къ завтраку ихъ величествами королемъ и королевой бельгійскими и посѣтилъ днемъ позиціи первой линіи бельгійскаго фронта.

23 марта генераль Жилинскій въ сопровожденіи принца Текскаго направился къ британскому фронту и посѣтилъ Ипръ, послѣ сего произвелъ смотръ двумъ полкамъ, особенно отличившимся въ различныхъ дѣлахъ.

Тупивъ въ своей корреспонденціи съ Рижскаго фронта ¹⁾ описываетъ одно изъ изумительныхъ событій современной войны.

Бой въ полдень достигъ наивысшаго напряженія, вокругъ все дышало пламенемъ битвы.. Въ короткое время съ нашей стороны было выпущено болѣе 16.000 снарядовъ, ураганный огонь не утихалъ, въ воздухѣ стоялъ непрерывный гулъ, содрогалась земля. Непрiятельскія батареи замолкали одна за другой, люди глохли, безумство охватывало слабыхъ.

По дорогамъ, по лощинамъ и извилинамъ потянулись въ одиночку или поддерживаемые товарищами раненые солдаты, другіе въ изнеможеніи опускались у края дороги на землю, ожидая прихода санитаровъ. И точно разсерженные шмели аыкали острыя нули, справа, слѣва, сверху, сбоку.

¹⁾ „Нов. Вр.“, № 14384.

Страшная, незабываемая картина... Слѣва снова часть бросается въ атаку, тысячи душъ рвутся впередъ, храбрость и злоба подобно дикой волнѣ движутъ ихъ навстрѣчу сотнямъ несокрушимыхъ орудій истребленія, бросая имъ въ лицо раскаленную сталь и желѣзо...

У дороги, замаскированной ельникомъ, расположился первый перевязочный пунктъ; сюда ползутъ и идутъ страдальцы.

И точно въ насмѣшку жестокой судьбы надъ перевязочнымъ пунктомъ разрывается непріятельская шрапнель. Справо бодро и весело идетъ въ атаку новый батальонъ земгальскихъ стрѣлковъ...

Скрытый отъ глазъ непріятеля блиндажъ; въ немъ сконцентрированы всѣ нервы жестокаго отчаяннаго боя. Онъ такъ близокъ отъ непріятеля, и если на полѣ брани идетъ горячая безумная битва, то здѣсь холодная сосредоточенная работа; нервы однако напряжены до послѣдней степени... тутъ извѣстно, что творится впереди. Чтобы добраться изъ нашей тыловой линіи до этого блиндажа, надо пройти тысячи опасностей, перешагнуть черезъ грань жизни и смерти.

Въ блиндажѣ темно, кишитъ работа... страшная, отвѣтственная, лихорадочная работа, ее можетъ познать и оцѣнить только тотъ, кто ее испыталъ. Тѣсное помѣщеніе, шаговъ шесть, семь въ ширину, такой же длины, съ низкимъ потолкомъ, оконъ никакихъ нѣтъ. На стѣнѣ четыре телефонныхъ аппарата, ежеминутно раздаются рѣзкіе звонки и на каждый отвѣчаетъ человѣческій голосъ, раздающійся изъ глубины того ада, который разыгрывается тамъ, наверху... Вотъ стоитъ командиръ полка, рядомъ съ нимъ начальникъ службы связи, здѣсь торопятся вѣстовые, пришедшіе съ приказаніями, вотъ ординарцы съ распоряженіями... И все это подъ ежеминутной угрозой смерти: достаточно тяжелаго снаряда въ своды блиндажа, и сердце—центръ всей артеріи, душа всей отчаянной битвы, будетъ уничтожена... Но никто не обращаетъ вниманія. Никого не трогаетъ даже явленіе боевой стихіи: на скамейкѣ, прислонясь къ стѣнѣ, сидитъ молодой офицеръ; онъ дико шепчетъ о мести и проклятымъ пѣмцамъ; рядомъ съ нимъ полулежитъ другой, съ закрытыми глазами, со слабыми признаками жизни.

Отворяется дверь, и вмѣстѣ со струей весенняго свѣжаго воздуха и яркаго солнца въ блиндажъ врываются радостныя веселыя клики, привѣтствія, слышатся отдѣльныя бодрящіе голоса раненыхъ, кличъ ширится и растетъ, вызванный появленіемъ высшаго начальника. Онъ такъ ярко напоминаетъ въ эти минуты: „Morituri te salutant, Caesar“. Встрѣчные раненые привѣтствуютъ своего корпуснаго командира, любимаго боевого генерала... Появленіе въ блиндажъ не производитъ ни переполоха, ни суеты, хотя оно внезапно и неожиданно. Хочется крикнуть: „Умирающіе тебя привѣтствуютъ, Цезарь!“ Радостное свѣтлое чувство наполняетъ героевъ, въ душѣ шевельнулись забытыя далекія струны. Хочется смѣяться и плакать. Защитники чувствуютъ, что имъ на помощь подходитъ ихъ нравственный резервъ: этотъ сутуловатый небольшой человекъ—кудесникъ, на всѣхъ онъ производитъ въ минуту опасности чарующее впечатлѣніе, видѣть его незабываемое рѣдкое счастье, онъ все видитъ, все понимаетъ... И его понимаютъ и любятъ, и единая мысль у всѣхъ, чтобы смертный жребій пролетѣлъ какъ можно дальше отъ его увѣчанной сѣдинами головы...

Генераль себя не бережетъ, видимо рука Провидѣнія направляетъ въ сторону и угломѣръ и глаза непріятельскаго наблюдателя, и напрасны всѣ ухищренія тевтоновъ вывести изъ строя лучшаго человека и начальника... Вотъ въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ ударился снарядъ въ землю, и сотни осколковъ брызнули во всѣ стороны, генераль продолжаетъ свой путь, не обращая вниманія... Вотъ онъ остановился, дѣлится съ младшими командирами своими впечатлѣніями, выслушиваетъ доклады, отдаетъ приказанія. Изъ пяти шагахъ отъ него стоитъ чей-то ординарецъ съ лошадей; генераль идетъ дальше, а сзади него разрывается тяжелый снарядъ, отъ лошади и ординарца остается одно воспоминаніе... свита только набожно крестится... Шинель его прострѣлена въ двухъ мѣстахъ, а онъ, улыбаясь, говоритъ: „Ну, что же, убьютъ, похоронятъ...“ Все кругомъ дышитъ пламенемъ битвы, вдали гремитъ радостное „ура“, въ тѣло вливается небывалая бодрость, войска привѣтствуютъ своего генерала.

Повсюду оргія грабежа мирныхъ гражданъ. Спекулируютъ всѣмъ, и припасами, и товарами. Хищные скупщики шныряютъ и по городамъ и по деревнямъ, скупая все, что можно, для наглой перепродажи по страшнымъ цѣнамъ.

Торговцы и скупщики говорятъ, что такого времени, какъ теперь, невозможно найти. Надо пользоваться не только часами, но даже и минутами, чтобы заработать деньги.

До какого омерзительнаго озвѣренія дошли якобы культурные германцы, свидѣтельствуесть яркая картина изъ описанія г. Петрова.

На краю одного латышскаго селенія нашъ разъѣздъ, прогнавъ германцевъ, услышалъ стоны изъ заколоченнаго снаружи дома. Открыли дверь, вошли. Тамъ двѣ молодыя женщины, обезчещенныя цѣлымъ разъѣздомъ, обезсиленныя стовали на полу. Когда къ дому подѣхалъ начальникъ нашего разъѣзда, знающій нѣмецкій языкъ, онъ безъ содроганія прочелъ „остроумное“ предупрежденіе бывшими здѣсь германцами ихъ товарищей, которые могли явиться послѣ. На двери мѣломъ крупно было написано:

Вы опоздали, товарищи! Здѣсь реквизировано уже!

23—31 марта. Отъ пріѣхавшихъ съ фронта слышалъ неизмѣнные рассказы, что обиліе снарядовъ съ нашей стороны при артиллерійскихъ перестрѣлкахъ производитъ самое ободряющее дѣйствіе на нашихъ солдатъ. Мѣткость стрѣльбы нашей артиллеріи сравнительно съ германскою не заставляеть желать лучшаго. Зачастую ваши батареи подбиваютъ и совершенно уничтожаютъ германскія ¹⁾.

Вотъ какъ спекулируетъ кайзеръ въ своихъ финансовыхъ затрудненіяхъ.

Въ мартовской книгѣ „The London Magazine“ помѣщена любопытная статья „Семь лѣтъ при германскомъ дворѣ“.

¹⁾ „Русское Слово“ 22 марта.

Авторъ записокъ, г-жа Кинъ, недавно возвратилась въ Англію изъ Потсдама, гдѣ она служила камеръ-юнгферой у сестры императора Вильгельма, жены принца Леопольда Прусскаго.

При объявленіи войны миссъ Кинъ нѣкоторое время оставалась въ потсдамскомъ дворцѣ, при своей хозяйкѣ, и только съ большимъ трудомъ ей удалось вырваться изъ Германіи. Принцесса ей говорила: „Не думаю, чтобы вы могли вернуться въ Англію, вы знаете слишкомъ многое“. Судя по разоблаченіямъ камеристки, принцесса въ послѣднемъ не ошибалась.

Англичанка остававливается особенно подробно на денежныхъ затрудненіяхъ Вильгельма. Начались они давно, задолго еще до войны, и были вызваны главнымъ образомъ непомярною расточительностью германскаго императора. Денежный вопросъ постоянно мучилъ Вильгельма. Нѣсколько лѣтъ назадъ разорился и покончилъ съ собою одинъ изъ его близкихъ друзей, фонъ-Эллендорфъ. Кайзеръ очень горевалъ, но не о несчастіи и смерти друга; дѣло объяснялось проще. Въ предпріятія Эллендорфа Вильгельмомъ было вложено около 200.000 рублей на русскія деньги, и эта сумма погибла безвозвратно.

Дѣло особенно обострилось осенью 1908 года. Счета по содержанію двора оставались неоплаченными нѣсколько лѣтъ. Многимъ торговымъ домамъ, не только въ Берлинѣ, но и въ Парижѣ, Лондонѣ и другихъ столицахъ германскій дворъ долженъ былъ крупныя суммы.

Кромѣ того, Вильгельмъ лично сильно задолжалъ своимъ банкирамъ и двумъ членамъ императорской фамиліи. Принцъ Леопольдъ Прусскій, человекъ чрезвычайно богатый, у котораго Вильгельмъ тоже хотѣлъ занять нѣкоторую сумму, наотрѣвъ отказалъ своему шурина. Въ концѣ концовъ Вильгельмъ вышелъ изъ затрудненія, продавъ часть королевскихъ имѣній у Потсдама и добившись у рейхстага увеличенія цивильнаго листа на 250.000 руб. въ годъ.

Вся эта передрыга оставила у Вильгельма непріятное воспоминаніе, и впередъ берлинскій дворъ рѣшилъ быть умнѣе, перейдя на весьма практическій путь. Нѣмки, которыя жаждали фигурировать при дворѣ, но не могли похвалиться бѣлою костью, теперь получили возможность осуществить свою мечту: званіе фрейлины и статсъ-дамы стало продаваться за деньги. Изъ 1910 году германская им-

ператрица сдѣлала четыре новыхъ назначенія и заработала такимъ образомъ около 350.000 руб.

Когда кайзеръ со своей супругой отправлялись съ визитомъ къ иностранному двору, то удовольствіе сопровождать ихъ тоже расцѣнивалось на деньги, и иногда на очень крупную сумму. Одна дама, по свидѣтельству супруги Леопольда Прусскаго, заплатила сто тысячъ на наши деньги за право посѣтить Виндзорскій замокъ вмѣстѣ съ германской императорской семьей.

Званіе придворнаго поставщика тоже продается въ Берлинѣ въ среднемъ за 10.000 рублей.

Наконецъ придумана была еще и такая комбинація: въ парадномъ обѣденномъ залѣ Новаго дворца имѣются съ обѣихъ концовъ хоры, гдѣ можетъ помѣститься до пяти-сотъ человекъ. Эти мѣста продаются желающимъ посмотрѣть на блестящее зрѣлище, точно билеты въ театръ, за 10—50 руб., такъ что за каждый парадный обѣдъ Вильгельмъ получаетъ около десяти тысячъ.

Въ запискахъ г-жи Кинъ обращаетъ на себя также вниманіе замѣчаніе одной придворной дамы, баронессы Кнебекъ:

„Самая выдающаяся черта германцевъ—патріотизмъ. Множество нѣмцевъ разсыяно по чужимъ странамъ, иные изъ нихъ давно приняли иностранное подданство, но, повѣрьте мнѣ,—сказала баронесса г-жѣ Кинъ,—все равно, въ душѣ они остаются нѣмцами и считаютъ своей родиной Германію. И не только они, но и дѣти ихъ вырастутъ нѣмцами“.

Истина, давно очевидная для всѣхъ, кто лично не заинтересованъ въ этомъ щекотливомъ вопросѣ! ¹⁾

Слова эти должно имѣть въ виду нашимъ нѣмцелюбамъ и прибалтійцамъ.

Для борьбы съ дороговизной необходимо возможно большее учрежденіе въ уѣздахъ и городахъ потребительныхъ обществъ (кооперативовъ), тѣсное объединеніе по закупкамъ отъ оптовиковъ всѣхъ потребительскихъ обществъ городовъ и уѣздовъ и самое тѣсное единеніе ихъ съ земствами. Это единственный правильный экономическій путь. У насъ въ Петроградѣ тоже начинаютъ возникать потребительныя общества, но пока очень и очень въ скромныхъ рамахъ. Организованныя общества работаютъ прекрасно.

¹⁾ „Нов. Вр.“ 27 марта.

Необходимо только, чтобы предержавшія власти не ставили препонъ.

Самымъ страшнымъ бичемъ всѣхъ армій во время войны является сыпной тифъ и главные распространители его вши. Слѣдовательно, трудно соблюдаемая въ военное время чистота составляетъ одно изъ главнѣйшихъ средствъ къ предупрежденію эпидемій. Одинъ изъ докторовъ въ настоящее время сообщаетъ, что со 120 раненыхъ, привезенныхъ съ фронта, было снято 45 фунтовъ вшей, т. е. въ среднемъ около $\frac{1}{2}$ фунта на человѣка.

Недавно докторъ института Пастера, профессоръ Ру, сдѣлалъ докладъ объ открытой въ его институтѣ вакцины, смягчающей проявленія сыпного тифа. Одновременно сообщаютъ, что консультантъ Краснаго Креста профессоръ Недригайловъ и женщина-врачъ Бурова получили чистую культуру бактерій сыпного тифа.

Передаютъ, что управляющій Отдѣленіемъ Волжско-Камскаго банка въ Вяткѣ г. Цимерманъ и комиссіонеръ этого банка Вагнеръ отнеслись крайне пассивно, если не сказать болѣе, къ подпискѣ на военный заемъ. Почему это такъ?

Бѣлыя вороны. Изъ Гааги сообщаютъ о необыкновенномъ явленіи природы. Въ Голландіи въ большомъ изобиліи появились бѣлыя вороны. Уже прошлою зимою замѣчали воронъ съ черными головами и хвостомъ, но съ бѣлыми крыльями. Нынѣшнею зимою въ Гаагѣ и въ другихъ городахъ Голландіи появились кромѣ совсѣмъ сѣрыхъ даже бѣлыя вороны. Одну изъ такихъ воронъ поймали, и голландскіе зоологи заняты въ настоящее время изученіемъ происхожденія необычайной породы воронъ. Высказываются догадки, что кормленіе человѣческимъ мясомъ на поляхъ сраженій въ Бельгій вызвало измѣненіе окраски въ опереніи этихъ пернатыхъ¹⁾.

¹⁾ „Вирж. Вѣд.“ 23 марта.

Г. Ольховскій въ „Вечернемъ Времени“¹⁾ даетъ картинное описаніе морскихъ развѣдокъ и боя на морѣ:

Трое слѣдующихъ сутокъ прошли спокойно.

Непріятель хотъ и приближался, такъ какъ работа телеграфа слышалась отчетливѣе, но туманъ ничего не позволялъ разглядѣть...

Несмотря на малые хода, уголь подходилъ къ концу. Свѣжая провизія давно уже была съѣдена, и теперь пошли въ ходъ макароны съ вѣчной „общешлотской“ солониной...

Шутка сказать,—недѣля въ морѣ!..

Непосредственная близость къ врагу требуетъ особенной осторожности. Каждую минуту можно ожидать съ его стороны подвоха, и поэтому все время приходится быть на-чеку...

Въ завѣсѣ—это самое скверное.

Нравственная усталость, являющаяся слѣдствіемъ этой бдительности, влечетъ за собою усталость физическую: люди подъ конецъ своихъ вахтъ буквально сваливаются съ ногъ...

Въ это утро получена была радіо, что Н. дивизионъ вышелъ на смѣну.

Все пріободрились...

Мичмана предвкушали уже удовольствіе какъ слѣдуетъ отоспаться и вознаградить себя за скудный „постный“ столъ, а команда, расположившись на бакъ, весело покуривала, кто не прочь „освѣжиться“ въ тихомъ и шикарномъ порту...

Послѣ полудня прояснилось.

Мгла хотъ и оставалась по-прежнему, но туманъ значительно порѣдѣлъ. Теперь уже версты на двѣ можно было различить любой предметъ.

— Дымы видать!..

Сигнальщикъ, доложившій это, схватился за трубу, чтобы лучше рассмотреть.

На этотъ разъ онъ оказался правъ: впереди ползъ черный дымъ, принадлежавшій несомнѣнно нѣсколькимъ судамъ...

Свои или враги?

Но странно... Дымы шли отъ веста...²⁾

¹⁾ „Веч. Вр.“ № 1427 с. г.

²⁾ Вестъ—западъ.

— Вы не находите страннымъ, что смѣна идетъ къ намъ съ запада?..

— Гм...

Командиръ пожимаетъ плечами.

— Этого не должно быть... Впрочемъ, я допускаю, что наши въ туманѣ нѣсколько разошлись...

Командиръ слегка нервничаетъ, но, зная, что сейчасъ вниманіе всего миноносца обращено на него, старается взять себя въ руки...

— А все же...

Начальникъ дивизіона круто поворачивается...

— Орудія зарядить!..

На миноносцахъ бѣготня...

Команда высккиваетъ изъ помѣщеній и бросается къ пушкамъ. Въ какія-нибудь нѣсколько мгновеній свята чехлы и поданы снаряды.

Рѣзко щелкаетъ замокъ...

— Товсь!..

Къ бою все готово...

Въ торжественной тишинѣ подымается на стеньгѣ боевой Андреевскій флагъ—такой близкій и родной сердцу каждого моряка...

Гордо рветъ онъ въ вышинѣ, словно благословляя на подвигъ, и въ эту минуту онъ—эмблема нравственной поддержки, образъ Всемогущаго Судьи.

Весь ужасъ предстоящаго отходить куда-то вдаль и оставляетъ въ душѣ сознаніе долга и счастья умереть за родину...

Невольно все существо охватываетъ умиленіе и спокойствіе, и вѣра горячитъ кровь...

И хочется... Ахъ, какъ неудержимо хотѣлось бы поднять завѣсу, за которой неразгаданный вопросъ:

— Что будетъ?..

Конацъ ли—такой дикій и такой нелѣпый въ то время, когда такъ неудержимо тянетъ къ себѣ жизнь...

Или побѣда—красивая и громкая, при видѣ гибнущаго корабля, идущаго ко дну подъ радостные крики побѣдителей..

И мысленно проносится въ головѣ молитва...

Ея простыя, глубокія слова ярко врѣзаются въ сознаніе.

„Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ“...

При оторванности отъ родныхъ береговъ, отъ семьи, при той полной отчужденности отъ всего міра, въ которой

бываютъ одни лишь моряки, такъ много пламенной вѣры въ этомъ всѣхъ равняющемъ:

„Да будетъ воля Твоя“...

Два — три послѣднихъ крестныхъ знаменія, пожатіе руки,—и все...

Туманъ расходился...

Послѣдняя его пелена, сквозь которую проникалъ дымъ, растаяла, и передъ сотнями напряженно смотрѣвшихъ глазъ вдругъ появились два миноносца, шедшихъ полнымъ ходомъ..

„Нѣмцы!“

Одинъ общій крикъ, казалось, вырвался изъ всѣхъ грудей.. На мгновеніе сердца будто бы остановились, и люди замерли въ какомъ-то столбнякѣ..

Такъ близко—лицомъ къ лицу!..

Да нѣтъ... Не можетъ быть...

Почему-то въ головѣ не могла уложиться мысль, что это врагъ.

Сравнительная ли продолжительность ожиданія, необычайность ли той обстановки, въ которой произошла встрѣча... но все это сковало всѣхъ: кажется, никто не посмѣлъ даже вздохнуть...

Но вотъ.

Съ мостика громко прозвучала команда...

Привычное ухо различило: „Открыть огонь“, и гулко, тяжелымъ ревомъ потрясая воздухъ, раздался первый залпъ...

Окрашенные въ черный цвѣтъ, съ высокими надстройками и низенькими, словно отпиленными передними мачтами—это были типичные нѣмецкіе миноносцы большого тоннажа.

Туманъ заставилъ ихъ, что называется, напороться, и теперь разстояніе было не болѣе трехъ верстъ...

Врагъ опѣшилъ.

Казалось, тамъ меньше всего ожидали столкновенія, ибо всѣ пушки были въ чехлахъ.

Передній миноносецъ началъ что-то семафорить заднему и круто повернулъ, рассчитывая, очевидно, на свой ходъ.

Но, увы!.. Было поздно...

— Живо!.. Подымите-ка: „Жестокому“ занять фарватеръ...

Сигналь немедленно разобранъ, и третій концевой миноносець бросился къ только-что протраленному самими же нѣмцами проходу...

Отступленіе отрѣзано.

И теперь, взятый въ два огня, имѣя впереди себя минное поле, противникъ окончательно растерялся.

Оба миноносца застопорили машины, почему-то дали малый ходъ, и задній сталъ усиленно выпускать паръ.

Видно было, какая паника охватила вражескія суда, гдѣ долго не могли зарядить пушекъ и отвѣчать на огонь.

И только послѣ нѣсколькихъ попаданій, оттуда открылась беспорядочная стрѣльба.

— Четверть больше, одинъ право!..—все время неслась по рупору съ мостика корректировка, и установщики прицѣловъ спокойно и быстро мѣняли данныя съ такою же точностью, какъ во время учебной стрѣльбы.

Прислуга у орудій уже окончательно оправилась.

Горящіе глаза и одухотворенныя лица, проворство, съ какимъ каждый выполнялъ свое дѣло,—были болѣе чѣмъ краснорѣчивой иллюстраціей того, что каждый испытывалъ въ этотъ мигъ.

А молоденькій мичманъ, недавно лишь изъ корпуса и впервые попавшій въ настоящій бой, уже почувствовалъ себя старымъ и обстрѣляемымъ морскимъ волкомъ, который можетъ осипшимъ баскомъ кричать матросамъ:

— Вали ребята... Живо!.. Не обалдѣвать!..

Сначала было „коряво“, но сейчасъ...

Что-то большое и сильное всколыхнуло душу и заставило сердце громко застучать.

Теперь онъ вьется у пушки, перебѣгаетъ отъ прицѣла къ замку и на неудачномъ залпѣ готовъ всѣмъ и вся предать анаѣмъ, и заплакать отъ досады...

Но „матросъ не выдастъ“...

Какъ черти, они навиваются у орудій...

Непрерывно шелкаетъ замокъ, и въ рѣзкій оглушительный вой сливаются залпы всѣхъ миноносцевъ...

— Бумъ—бумъ... Бумъ...

— Товсь...

— Бумъ—бумъ... Бумъ...

— Товсь...

Ни одного лишняго звука...

Въ ушахъ страшная боль.

Вѣтромъ относится огонь въ сторону и опалаетъ лица...

Становится жарко и адски хочется пить...

— Ура!.. раздается гдѣ-то на бакѣ ¹⁾,

— Нѣмецъ горитъ!..

— Ура!..—подхватывается на миноносцѣ и дружнымъ раскатистымъ эхомъ несется по судамъ...

— Горитъ!... Ура!..

И еще чаще хлопаютъ замокъ, и еще громче, кажется, воютъ залпы...

— Бумъ-бумъ... Бумъ...

— Товсь...

— Бумъ-бумъ .! Бумъ...

— Товсь...

— Уррра!

— Головной миноносецъ оказался поврежденнымъ... Уже отчетливо, невооруженнымъ глазомъ видны были пробоины и сбитая на половину передняя труба...

Онъ очень замѣтно зарылся носомъ, такъ что работавшіе винты на половину вылѣзли наружу...

— Горитъ...

Стало уже значительно темнѣть.

Неоднократно пытавшійся прорваться, врагъ каждый разъ отговялся огнемъ.

Дивизиону предстояло совершить головокружительный трюкъ: ваять крѣпость, не поцеся *никакихъ* потерь!...

..Опять загрохотали пушки, и вновь массы раскаленного металла полетѣли въ врага...

Вотъ нѣсколько снарядовъ врѣзались въ бортъ...

Видно было, съ какимъ отчаяніемъ врагъ рѣшилъ драться.

— Мина идетъ!..

Какъ длинный острый мечъ, блеснули ея очертанія...

Газъ, другой нырнула она подъ воду, затѣмъ выплыла на поверхность... И, опустившись на заданную глубину, раскѣкая корпусомъ воду, полетѣла впередъ...

— Право!.. Больше право!.. Право на бортъ!..

Во-время произнесенная команда, и катастрофа избѣгнута.

Мимо!..

¹⁾ Бакъ носовая часть верхней палубы.

Въ какихъ-нибудь полутора футахъ отъ борта, едва не касаясь бокового киля...

По миноносцамъ прошелъ облегченный вздохъ...

Вспотѣвшіе и разгоряченные, матросы снова заработали, и опять—въ какой ужъ это развѣ?..—защелкалъ замокъ, и заревѣли и загрохотали залпы дивизиона...

— Бумъ-бумъ... Бумъ...

— Товсь...

— Бумъ—бумъ... Бумъ...

— Товсь...

Хотѣлось бы перекреститься, вспомнить два слова молитвы... Но память не повиновалась, а рука была тяжела...

И только сознаніе продолжало работать и въ трепетѣ учащенно бившагося сердца пронаило молвіей:

— *Побѣда!*...

...Такъ вотъ гдѣ она наконецъ!..

Эффектъ прощальнаго ожеста—стихійное могучее русское ура, такъ бурно ее встрѣтившее, такъ радостно прокатившееся по необъятному морскому простору...

И кто не пойметъ, почему въ этотъ мигъ что-то похожее на спазму схватываетъ горло, и почему глаза, горящіе такимъ вдохновеннымъ свѣтомъ, вдругъ застилаетъ туманъ...

А наступившая ночь была дивно хороша, и вѣжную, и сладкую истому навѣвала ей призрачная даль...

Возшедшій молодой мѣсяцъ слалъ свой привѣтъ успокоившемуся морю, переливаясь тысячами серебряныхъ огней въ вершущкахъ тихо рокотавшихъ волнъ...

Съ легкимъ шумомъ разбивались онѣ о борта, баюкая своею вѣчною пѣснью, и въ гимнѣ томъ, еде удивимымъ диссовансомъ чувствовалось присутствіе какой-то жуткой, какой-то неразгаданной тайны...

Въ корреспонденціи г. Петрова въ „Русскомъ Словѣ“ ¹⁾ приводятся яркія картины самой наглої германской фальсификаціи по содержанію нашихъ военноплѣнныхъ:

„Германцами выпущены и постепенно выпускаются въ видѣ почтовыхъ открытокъ новыя и новыя фотографическія

¹⁾ „Русск. Сл.“, 31 марта с. г.

снимки, рисующіе вѣшнюю обстановку и внутренній бытъ русскихъ военнопленныхъ въ Германіи. Снимки эти сдѣланы и дѣлаются, главнымъ образомъ, для иностранцевъ вѣвоющихъ государствъ—датчанъ, шведовъ, американцевъ. Германскія власти охотно раздаютъ эти снимки интересующимся судьбою военнопленныхъ въ Германіи и увѣренно добавляють:

— Подъ каждымъ снимкомъ подпись съ указаніемъ мѣстонахожденія лагеря военнопленныхъ. Если у васъ есть какое-либо сомнѣніе въ достовѣрности снимка, благоволите провѣрить на мѣстѣ,—и вы убѣдитесь, что снимки вполне отвѣчаютъ дѣйствительности.

Многочисленные снимки даютъ довольно полную картину жизни нашихъ пленныхъ въ различныхъ мѣстахъ Германіи и рисуютъ эту жизнь мягкими, иногда чуть ли не идиллическими, чертами и красками. Вы видите, напримеръ, на одномъ снимкѣ уютную помѣщичью или большую дачную усадьбу. Рядъ изящныхъ, красиво разбросанныхъ домиковъ. Впереди нихъ—большая лужайка. Очевидно, на ней можно играть и въ теннисъ, и въ футболъ. Все это, конечно, обнесено рѣшеткою изъ колючей проволоки, но въ общемъ видъ безспорно милый. Это—одинъ изъ лагерей для нашихъ пленныхъ офицеровъ.

Снимки изъ жизни въ солдатскихъ лагеряхъ для нашихъ пленныхъ также не вызываютъ ни малѣйшей скорбной тѣни за горькую долю нашихъ подневольныхъ узниковъ. Напротивъ, судя по этимъ снимкамъ, наши пленныя солдаты въ Германіи обставлены такъ, что, кажется, имъ и дома на службѣ, въ обычной казарменной обстановкѣ, не было лучше. Вотъ снимокъ: „Кухня русскихъ военнопленныхъ“. Не будь приведенной подписи, можно было бы по снимку подумать, что передъ вами кухня какого-нибудь большого первокласснаго столичнаго ресторана. Десятка полтора, два поваровъ въ бѣлоснѣжныхъ курткахъ, фартукахъ, съ такими же колпаками на головѣ. Большіе, видимо, ярко начищенные, блестящіе котлы, противни и кастрюли. Лица поваровъ искренно довольныя. Сытыя, даже упитанныя. Веселыя, съ улыбками почти у всѣхъ.

Второй снимокъ: „Баня для пленныхъ солдатъ“. Большое помѣщеніе, съ электрическими лампами по стѣнамъ. Съ потолка въ нѣсколько рядовъ свисаютъ трубки-провода съ

теплою водою. Внизу, вдоль стѣнъ идутъ широкія приступки сидѣнья. Полъ асфальтовый съ полуаршиннымъ углубленіемъ. Здѣсь, въ углубленіи, наши плѣнные солдаты моютъ ноги, а душъ съ теплою водою сверху даетъ возможность обмыть тѣло съ головы до ногъ.

Третій снимокъ показываетъ раздѣваніе плѣнныхъ, такъ сказать, въ предбанникѣ. Бѣлье, одежда, обувь,—всѣ вещи плѣнныхъ до послѣдней мелочи отбираются и сдаются въ дезинфекцію. Пока плѣнные моются, вещи ихъ дезинфицируются, самымъ тщательнымъ образомъ очищаются отъ какихъ бы то ни было болѣзнетворныхъ микробовъ. Германцы не столько даже въ интересахъ плѣнныхъ, сколько изъ боязни черезъ нихъ допустить появленіе какой-либо эпидеміи въ странѣ, строго слѣдятъ за чистотою плѣнныхъ и за дезинфекціей ихъ обуви, бѣлья, одежды, вещей. Дезинфекція поставлена образцово. Особныя камеры для тканей, особныя—для кожи, особныя—для металлическихъ предметовъ: часовъ, пряжекъ, колець и тому подобнаго.

Другіе снимки показываютъ плѣнныхъ въ библіотекахъ за чтеніемъ книгъ, въ своихъ—при лагеряхъ для плѣнныхъ—солдатскихъ театрахъ. Есть снимки съ оркестровъ, устроенныхъ самими плѣнными, съ солдатскихъ игръ, съ работъ плѣнныхъ на поляхъ, по выгрузкѣ вагоновъ, на полотнѣ желѣзныхъ дорогъ, и такъ далѣе.

Смотришь на эти снимки и чувствуешь, что, судя по нимъ, было бы грѣхомъ жаловаться на Германію за положеніе нашихъ плѣнныхъ въ ней. Помилуйте: прекрасныя бани, чистыя кухни, свои театры, оркестры, игры, электрическое освѣщеніе, библіотеки, школы грамоты, даже особые курсы для плѣнныхъ разныхъ народностей Россіи. Чего еще можно требовать или даже только желать? И замѣтите: все это—живая дѣйствительность, а не показная, театральная поддѣлка на случай осмотра пріѣзжими иностранцами изъ Швеціи, Даніи, Испаніи, Америки или Китая. Всѣ снимки несомнѣнной подлинности, но... За каждымъ почти красивымъ, наряднымъ и такимъ выигрышнымъ для германцевъ снимкомъ есть свое большое, подрывающее цѣнность снимка, иногда скверное, а то и гнусное „но“.

Начнемте съ кухни. Общій видъ выставленныхъ поваровъ, плѣнныхъ, несомнѣнно, говоритъ объ ихъ благополучіи, но благополучіе поваровъ въ данномъ случаѣ—никакъ не доказательство благополучія въ смыслѣ питанія нашихъ плѣнныхъ. Какъ правило, въ германскихъ лагеряхъ военноплѣнныхъ установлено, что преобладающее большинство обслуживающихъ кухню нашихъ плѣнныхъ набирается изъ попавшихъ въ плѣнъ нѣмцевъ, уроженцевъ Курляндіи, изъ нѣмецкихъ колонистовъ и вообще людей опѣмеченныхъ. Эти привилегированные плѣнные въ формѣ русскихъ солдатъ, но съ нѣмецкою душою и приставлены германцами къ кухнѣ для нашихъ плѣнныхъ. Они-де знаютъ нѣмецкій языкъ, съ ними легче объясняться германскому начальству. Они же являются и посредниками для остальной массы нашихъ плѣнныхъ при покупкѣ ѣды на сторонѣ, при чемъ постоянно нагло обираютъ покупающихъ солдатъ. Неудивительно, что они и парадно одѣты, и имѣютъ сытый, довольный видъ. Интересно бы видѣть германскіе снимки съ ѣды, предлагаемой русскимъ плѣннымъ, указанія количества и качества этой ѣды, сколько разъ выдаютъ ее, но... подобныхъ снимковъ германцы не дѣлаютъ. Придется въ своемъ мѣстѣ восполнить этотъ пробѣлъ точными устными свѣдѣніями. Картина кухоннаго благополучія тогда рѣзко мѣняется. Тутъ пришлось бы снимать, какъ наши плѣнные въ иныхъ (къ счастью, не во всѣхъ) лагеряхъ рылись въ ямахъ и кучахъ съ отбросами, ища хотя бы выкинутыхъ костей. Пришлось бы снимать нѣкоторыя сцены, не только недопустимыя, но и невообразимыя. Извѣщаясь напередъ, если дальнѣйшія мои строки вызовутъ, можетъ-быть, въ иныхъ даже невольную тошноту. Но я все-таки настойчиво прошу прочесть и просмаковать картину. Намъ тошно читать,—а каково нашимъ страдальцамъ испытывать то, одно упоминаніе о чемъ вызываетъ чуть не рвоту?! Называя вещи своимъ именемъ, нужно сказать, что постоянное недоѣданіе доводило въ нѣкоторыхъ (повторяю: не во всѣхъ) лагеряхъ нашихъ военноплѣнныхъ до такой степени голода, что, позабывъ и заглушивъ въ себѣ всякіе слѣды брезгливости, они выбирали уцѣлѣвшіе куски пищи въ рвотѣ больныхъ. Приготовьтесь къ худшему: бывали случаи, когда, измученные долгимъ голоданіемъ, несчастные выбирали непереваренныя еще зѣрныя бобовъ въ желудочныхъ изверженіяхъ. И только, когда въ этихъ лагеряхъ военноплѣнныхъ вспыхнулъ тифъ, порція несчастныхъ была нѣсколько

увеличена. Снимковъ, отхожаго питанія нашихъ плѣнныхъ, помимо кухонь, германцы, къ сожалѣнiю, не дѣлали и не дѣлаютъ.

Цѣлый рядъ своихъ „но“ я за другими показными германскими снимками съ картинъ быта нашихъ плѣнныхъ въ Германiи. Снимки бань, напримѣръ, показываютъ нашихъ плѣнныхъ въ предбанникахъ и въ баняхъ, но они ничего не говорятъ о томъ, что бываетъ въ послѣбанныхъ помѣщенiяхъ. А тамъ творится вотъ что. Въ иныхъ лагеряхъ нашихъ военноплѣнныхъ собрано до сорока тысячъ солдатъ вмѣстѣ. Понятно, что въ баню съ дезинфекціей ихъ обуви и одежды водятъ партіями по восемьсотъ и болѣе человекъ. Въ предбанникахъ ихъ раздѣваютъ и всѣ вещи ихъ, сортируя ткани, кожу, металлъ отдѣльно въ особыхъ мѣшкахъ направляютъ въ дезинфекціонныя камеры. Когда солдаты подъ горячимъ душемъ въ нагрѣтой банѣ всласть вымоются, ихъ выводятъ въ третью комнату одѣваться, а тѣмъ временемъ на ихъ мѣсто въ мыльную комнату вводятъ новую партію. Въ первой же комнатѣ, въ раздѣвальнѣ, готовится къ мытью третья партія. Такъ, полнымъ ходомъ, въ три смѣны и идетъ мытье. Повидимому, все хорошо, но... Это проклятое „но“. Будь это „но“ у кого другого, а не у германцевъ, можно было бы объяснить случайнымъ недосмотромъ, но у германцевъ, которые тщательно продумываютъ каждую мелочь, дѣло смахиваетъ на явный злой умыселъ. Распаренныхъ въ теплѣ вымытыхъ солдатъ выводятъ въ одѣвальню, а она холодная. Со сквозняками. И пока германцы разбираютъ принесенные изъ дезинфекціи мѣшки съ бѣльемъ, одеждою, обувью и вещами, проходитъ часъ, а то и полтора. Распаренные люди стоятъ голыми и жестоко простужаются... Бровхиты, плевриты, воспаленія легкихъ — постоянные спутники бань. Плѣнныхъ держатъ въ чистотѣ, эпидемiй среди нихъ нѣтъ, но по всѣмъ лагерямъ военноплѣнныхъ десятки тысячъ людей отчаянно кашляютъ. Постоянно болѣютъ простудами. Привозятъ обильныя жертвы чахоткѣ. Туберкулезъ—обильный поставщикъ гробовъ на германскія кладбища. При этомъ, пока туберкулезные больные еще въ началѣ болѣзни, германскія власти ихъ никоимъ образомъ не отпускаютъ на родину, въ Россію. Тамъ могли бы захватить болѣзнь во-время и вылѣчить больного. Во время войны онъ не го-

дился бы вновь въ строй, но у Россіи уцѣлѣлъ бы лишній человѣкъ. Очевидно, это не въ интересахъ Германіи, и германцы держатъ больныхъ плѣнныхъ такъ, чтобы они лучше попали на германское кладбище, нежели домой, въ Россію, въ родную больницу.

Та же исторія и съ библіотеками, со школами грамоты, съ курсами для грамотныхъ уже. Библіотеки обязательны при всѣхъ лагеряхъ русскихъ военноплѣнныхъ, но всѣ эти библіотеки „страннаго“ однороднаго образца. Всѣ онѣ, прежде всего, набиты тѣмъ мусоромъ заграничнаго изданія, которымъ всегда былъ половъ Берлинъ, выдавая бездарное маранье неизвѣстныхъ анонимовъ за революціонныя, якобы, изданія. Подобнымъ подборомъ книгъ германцы, конечно, отнюдь не думаютъ помочь выработкѣ свободомыслящихъ убѣжденій въ массѣ большинства нашихъ малограмотныхъ плѣнныхъ. Они рассчитываютъ только создать горючій матеріалъ для костра желанныхъ имъ внутреннихъ осложненій внутри Россіи и на послѣ войны. Положительныхъ идей для фундамента желательнаго гражданскаго воспитанія не дается никакихъ. Силятся лишь привить внутреннее взаимное озлобленіе, усиленно сѣютъ зерна острой внутренней вражды. На курсахъ для грамотныхъ дѣло обстоитъ еще откровеннѣе. Особо ведутся курсы для малороссовъ, особо—для латышей, особо—для уроженцевъ Кавказа, — отдѣльно для грузинъ, отдѣльно для армянъ, — особо — для мусульманъ, особо — для инородцевъ Сибири. Для каждой народности многоплеменной Россіи своя особые курсы. Со своею исторіею. Со своею литературою. Дразнятся большіе аппетиты каждаго маленькаго племени. Льстятъ самолюбію каждой народности. Малороссамъ силятся привить мизантропство, мысль объ Украинѣ, обособленной отъ остальной Россіи. Грузинъ манятъ мечтою о Великой Грузіи. Армянамъ сулятъ Великую Арменію. Бурятамъ и киргизамъ внушаютъ мысль объ ихъ правахъ на Сибирь. Мусульманамъ твердятъ, что Россія и Англія равно и Франція—заклятые враги мусульманъ, и что одинъ Вильгельмъ II—предавннй и безкорыстный другъ султана, а за нимъ и всего мусульманства.

Снятковъ съ программъ подобныхъ курсовъ германцы не дѣлаютъ и отчетовъ не печатаютъ. Это все—тайная заблаговременная подготовка уже мирной войны „на послѣ“

внутри самой Россіи. Мы сейчасъ дряблыми руками съ грошовымъ кускомъ мыла пытаемся кое-какъ отмыться отъ звѣвшей насъ внутренней нѣмечины, а германцы уже и теперь готовятъ намъ новое нѣмецкое удушье, упорно строятъ провода для своихъ развѣдающихъ русскую жизнь дьявольскихъ шупвальцевъ. Тѣло плѣнныхъ морятъ голодомъ, ухитряются валить здоровыхъ простудными болѣзнями, а духъ ихъ силится отравить, замутировать озлобленіемъ противъ единства и цѣлостности общей родины — многоплеменной Россіи.

Вотъ вамъ и кухни, и бани, и библиотеки, и курсы. Въ общемъ все какая-то одна кухня дьявола-отравителя. А это—еще лучшее въ германскихъ лагеряхъ военнопленныхъ: снимки, дѣйствительно, достойные показа. Выигрышные козыри германскаго обращенія съ плѣнными. Козыри, оказывается, густо крапленые. Что же кроется за показными фасадами, снимковъ съ чего германцы сами не дѣлаютъ, но снимки съ чего имѣются, сдѣланные тайно русскими плѣнными⁴.

Петроградскому обывателю пришлось видѣть роскошное германское изданіе фотографическихъ снимковъ того Эдемскаго рая, въ которомъ, по нѣмецкимъ фотографіямъ, содержатся наши военнопленные. Разумѣется, нѣмецкаго фотографированія той микроскопической пищи, которую получаютъ наши плѣнные, и вида этой пищи въ сборникѣ не имѣется. Нѣтъ также фотографій плѣнныхъ, которыхъ, послѣ бани, на сквознякѣ голыми держатъ отъ часу до полутора

Нѣтъ фотографій пытокъ.

Намъ кажется, что слѣдственная коммисія сенатора Кривцова должна дать разслѣдованіе на это пагубное издѣвательство германцевъ.

Недавно германскій канцлеръ произнесъ крайне дживую, хвастливую и дерзкую рѣчь, которую онъ состряпалъ при участіи кайзера для успокоенія Германіи и для того, чтобы предать забвенію уходъ Тирпица, а также и для того, чтобы показать всему міру, какъ еще могуча Германія, и этимъ поднять духъ германскаго народа и успокоить его.

Въ его рѣчи проходятъ красной нитью всѣ пагубныя основанія міровой политики Германіи. Онъ утверждаетъ, что

германская цивилизація не только лучше всякой другой, но и является такимъ благодѣяніемъ, которое нужно навязать силою оружія другимъ народамъ; что уже неоспоримо, что вооруженная Германія неодолима, что она должна обезоружить всякаго, кто можетъ ей угрожать, что законы и договоры должны подчиняться ея интересамъ, что миръ можно сохранить при соблюденіи ея условій, что она должна имѣть право veto на всѣ союзы и взаимныя обязательства ея сосѣдей, что всякій, кто какимъ бы то ни было путемъ будетъ возражать ей или будетъ стремиться сохранить свою независимость, вповенъ въ страшномъ нападеніи и даетъ тѣмъ самымъ Германіи право нападать на него ради самообороны.

Далѣе канцлеръ то требуетъ для Германіи, изголодавшейся и преслѣдуемой, права возвратить Европу къ мирному труду, то раскрываетъ широкіе замыслы нѣмцевъ по отношенію Бельгіи, Польши, Литвы и балтійскихъ провинцій.

Это онъ предлагаетъ въ угоду той партіи, которая настаиваетъ, чтобы нынѣшній военный фронтъ между Балтійскимъ моремъ и болотами Волыни сдѣлать постоянной границей. По адресу Россіи Бетманъ-Гольвегъ заявляетъ еще другую наглую угрозу:

„Нашъ долгъ заставить русское правительство дать удовлетвореніе нѣмцамъ германскаго и русскаго подданства за учиненныя надъ ними несправедливости, за ихъ ограбленіе и выселеніе; мы должны открыть нашимъ соотечественникамъ путь избавленія отъ русскаго рабства“.

Вотъ какую поддержку обѣщаетъ прибалтійцамъ и колонистамъ господинъ германскій канцлеръ. Какая наглость: Россія не разбита, чтобы предъявлять ей подобныя требованія. Не за горами уже пораженіе германцевъ. Господинъ кайзеръ и канцлеръ для публики произносятъ такія наглыя рѣчи, а за кулисами дѣлаютъ другое.

За кулисами, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, дѣло произошло такъ: за нѣсколько дней до своего выступленія канцлеръ предложилъ правительству одной изъ скандинавскихъ державъ взять на себя посредничество по веденію мирныхъ переговоровъ, при условіи сохраненія *status quo ante bellum*.

Эта лживая рѣчь является особенно характеристичной для руководителей Германіи, которые при средствѣ обмана дурачили свой народъ.

Частицу правды о положеніи Германіи знаетъ бюджетная комиссія, и вѣдаромъ Либкнехтъ, превосходно освѣдомленный о происходящемъ въ комиссіи, кричалъ канцлеру:

— Вадоръ, самоослѣпленіе. Ваша рѣчь — новый обманъ.

Бетманнъ-Гольвегъ не рискнулъ вступить въ препирательства съ Либкнехтомъ, очевидно, опасаясь, что мужественный фанатикъ разоблачитъ вѣчто большее.

При такихъ условіяхъ рѣчь канцлера является смѣхотворнымъ блефомъ.

Съ половины подъ конецъ марта на всемъ западномъ фронтѣ военныя дѣйствія протекали слѣдующимъ образомъ.

Болѣе энергичныя боевыя дѣйствія происходили въ Якобштадтскомъ направленіи и къ югу отъ Двинска у оз. Нароча, Видзѣ и Ближниковъ, а также на Волинскомъ фронтѣ у Колокъ и Олыки.

На всѣхъ остальныхъ участкахъ западнаго фронта перестрѣлка, столкновенія развѣдочныхъ партій, миная война и налеты аэроплановъ.

Наступило половодье. Ледоходъ, болота оттаяли; дороги грязны и тяжелы для движенія.

На Кавказскомъ фронтѣ продолжается наступленіе, и отбиваются контръ-атаки на слѣдующихъ направленіяхъ: на Приморскомъ, на Верхнемъ Чорохѣ, на Байбуртскомъ, на Мушъ-Битлисскомъ, къ западу отъ Эрзерума и на Багдадскомъ.

4 апрѣля. Настоящія приготовленія къ Пасхѣ знаменуются сильнымъ спекулятивнымъ повышеніемъ цѣнъ на жизненные припасы, совершенно несоотвѣтствующимъ дѣйствительнымъ цѣнамъ на продукты. Говорятъ, что градоначальникъ объявилъ таксу на яйца и передъ Пасхой яйца не окажутся для продажи. Неужели нельзя обуздать этихъ грабителей?

Послѣ рѣчи Бетманнъ-Гольвега выступилъ одинъ депутатъ и вотъ какъ, по словамъ „Новаго Времени“, это было: въ концѣ засѣданія хорсонскій депутатъ Люцъ выступилъ съ заявленіемъ отъ имени русскихъ нѣмцевъ по поводу требованія Бетманнъ-Гольвега объ удовлетвореніи

нѣмцевъ германскаго и русскаго подданства. Въ обрисовкѣ депутата Люца нѣмцы вышли весьма угнетенными, а русскіе неожиданно оказались въ роли угнетателей и гонителей. Такого открытія не дѣлалъ съ думской трибуны до сихъ поръ даже ни одинъ баронъ. Отвѣчая попутно на извѣстную рѣчь Милютина, Люцъ угрожалъ тѣмъ, что русскіе нѣмцы откажутся отъ обычнаго труда и пойдутъ „по бѣлу свѣту“. Кромѣ полиціи, вѣроятно, имъ никто препятствовать въ этомъ не будетъ.

Г. Крестовниковъ, извѣстный московскій приверженецъ торговли съ нѣмцами, произнесъ въ Государственномъ Совѣтѣ рѣчь о предстоящей мирной конференціи. Въ этой рѣчи онъ предлагаетъ нашимъ представителямъ отстаивать наши интересы не только отъ враговъ, но и отъ друзей. Рѣчь эта назидательная, и вполне ясно, куда ораторъ клонитъ свое вниманіе.

Наши противники и союзники явятся на конференцію вполне подготовленными, съ полнымъ знаніемъ дѣла и съ сознаніемъ того, чего они хотятъ и чего они должны добиваться. Я боюсь, что мы не только не готовы къ этой конференціи, но и не готовимся къ ней достаточно интенсивно. Наши представители на конференціи должны быть вполне освѣдомлены въ экономическихъ вопросахъ и не только съ принципіальной стороны, но и во всѣхъ подробностяхъ, иначе мы, и будучи побѣдителями, окажемся въ плачевномъ состояніи. Наши представители на конференціи будутъ находиться въ совершенно особомъ положеніи, они будутъ представлять страну, составляющую громадный, едва ли не самый большой въ мірѣ рынокъ для сбыта произведеній обрабатывающей промышленности. Россія представитъ на этой конференціи тотъ заманчивый кусокъ, къ которому несомнѣнно будутъ тянуться всѣ руки, и наши враги, и наши друзья несомнѣнно будутъ добиваться тѣхъ условій, которыя были бы имъ выгодны, и нашимъ представителямъ нужно быть весьма сильными для того, чтобы отстоять себя не только отъ враговъ, но и отъ друзей. Не для того мы проливали кровь, чтобы, избавившись войной отъ экономической зависимости Германіи, попасть въ такую же зависимость отъ какихъ-либо другихъ странъ. Германскій торговый договоръ представлялъ изъ себя зло, которое запрещало, такъ сказать, Россіи развивать свои производительныя силы, но вѣдь и договоры со всѣми другими странами шли тѣмъ же путемъ, они только подбирали

остатки того, что осталось отъ германскаго договора. Для примѣра укажу, что по договору съ Франціей мы лишены возможности развить свою автомобильную промышленность и вслѣдствіе этого въ теченіе войны должны были однихъ автомобилей заказать за границей на болѣе, чѣмъ на 250 милліоновъ рублей. Но, кромѣ того, внезапная война остановила всѣ международныя сношенія, масса товаровъ, шедшихъ въ Россію или изъ Россіи, не дошла по назначенію, застряла въ разныхъ портахъ. Остались нереализованными многочисленныя денежныя отношенія между нами и воюющими странами. Послѣ войны всѣ эти явленія потребуютъ ликвидаціи. Частныя лица могутъ поцести большіе убытки. По моему мнѣнію, какой-то судъ долженъ будетъ разобратъ, кто несетъ убытки, и эти убытки вознаграждать. Я думаю, что для этого должна быть образована международная конференція, въ которой русское правительство приняло бы на себя защиту интересовъ русскихъ подданныхъ. Безъ того мы понесемъ такую контрибуцію, будучи побѣдителями, которой совершенно не ожидаемъ.

Всѣхъ плѣнныхъ нашихъ враги разъединяютъ по національностямъ, ведутъ самую ужасную пропаганду по разнымъ національностямъ, стараясь ихъ пропитать ненавистью къ единству Россіи, дабы сдѣлать въ будущемъ изъ Россіи лоскутную монархію. Особенно энергично ведется пропаганда украинская и бѣлорусская въ южныхъ областяхъ Россіи. Тутъ основываются и газеты, и открываются масса школъ. Когда области эти отберутъ у нѣмцевъ обратно, то съ этими мѣрами придется очень и очень считаться.

Вчера въ одномъ изъ специальныхъ учрежденій, нѣкоторые уральскіе заводы демонстрировали отличное трансформаторское желѣзо, различные сорта мѣди, желѣзо и сталь для косъ, серповъ и пожей, была показана электро-сталь различныхъ составовъ. Это новое дѣло пойдетъ прекрасно и побѣдоносно, если не вмѣшаются русскіе нѣмцы.

Когда приходилось нашимъ войскамъ дѣйствовать на маневрахъ въ прибалтійскомъ краѣ, то приходилось поражаться нахальству и полнѣйшей неприязни прибалтійцевъ

къ войскамъ. „Вечернее Время“¹⁾ приводитъ фактъ такого же отношенія къ войскамъ дѣйствующей арміи.

Былъ здѣсь недавно одинъ офицеръ изъ арміи и разсказывалъ между прочимъ, какія приходится перевозить непріятности въ остзейскихъ городахъ при отводѣ имъ квартиръ. Случилось ему вмѣстѣ съ другими офицерами штаба дивизіи на вѣкоторое время остановиться въ Юрьевѣ. Квартиры имъ долженъ былъ отвести городъ. Отправляются они въ городскую управу, состоящую, какъ оказалось, сплошь изъ нѣмцевъ, едва говорившихъ по-русски. Направили ихъ къ одному изъ членовъ этой управы, герръ Андерсону, спеціально вѣдающему отволомъ квартиръ. Встрѣтилъ онъ офицеровъ сидя, не всталъ для привѣтствія, съѣлъ ихъ не пригласилъ, а прямо съ мѣста продиктовалъ требуемое число адресовъ.

Нѣкоторые изъ офицеровъ заикнулись было объ отводѣ имъ квартиръ съ кухнями, но въ отвѣтъ получили категорическое:

— Съ кухнями нѣтъ и не будетъ.

Отправились офицеры смотрѣть отведенныя имъ помѣщенія—всѣ они оказались изъ рукъ вонъ плохи, гдѣ-то на задворкахъ, не въ домахъ, а въ службахъ, просто чуланы, приспособленныя для отбытія квартирной повинности. А между тѣмъ отъ мѣстныхъ русскихъ чиновниковъ офицеры уже знали, что въ городѣ имѣется много совершенно приличныхъ комнатъ, приготовленныхъ подъ офицерскій постой. Поэтому они снова пошли въ управу и заявили герръ Андерсону, что они не находятъ возможнымъ жить въ тѣхъ чуланахъ, которые онъ имъ указалъ. На это послѣдовалъ категорическій отказъ.

Тогда офицеры начали сами промышлять для себя помѣщенія, и мой знакомый очень скоро нашелъ вполне приличную комнату въ домѣ Фолька. При этомъ какъ прислуга, такъ и одна изъ сосѣдокъ, русская, заявили ему, что эта комната приготовлена хозяйкою дома спеціально для офицеровъ.

Пошелъ мой знакомый въ третій разъ въ городскую управу, но герръ Андерсонъ и на этотъ разъ не подался.

— Господинъ адвокатъ Фолькъ недавно высланъ въ Иркутскъ, и я не имѣю отъ него письменнаго согласія на

¹⁾ „Веч. Вр.“ 1 апр.

принятіе къ себѣ офицера, а поэтому не могу отвести вамъ эту комнату.

Другой офицеръ изъ этой же группы узналъ стороною, что хорошая комната для офицера приготовлена у баронессы Кнорингъ. Отправляется онъ въ ея домъ. Встрѣчаетъ его очень привѣтливо, повидимому, мужъ хозяйки, проводитъ черезъ длинную анфиладу комнатъ, выводитъ на задворки и показываетъ конурку въ какомъ то-сараѣ, несомнѣнное помѣщеніе для какого-то подкучеренка.

Подобныя же издѣвательства потерпѣли и другіе искатели комнатъ. Окончилось же все это, однако, для нѣмцевъ совершенно не такъ, какъ они предполагали. Начальникъ дивизіи вступился за своихъ офицеровъ и произвелъ соотвѣтствующій нажимъ на отцовъ города. Тогда сразу нашлись комнаты и у господина адвоката Фолька, и у баронессы Кнорингъ, и у другихъ, имъ подобныхъ. Интересно, однако, знать, для какихъ же это офицеровъ были у нихъ приготовлены хорошія комнаты, которыя они такъ тщательно скрывали отъ русскихъ офицеровъ? Уже не для нѣмецкихъ ли?

2—4 апреля. Въ Государственномъ Совѣтѣ¹⁾ баронъ Шиллингъ между прочимъ сказалъ слѣдующее:

Давно уже я совѣтовалъ нашимъ сыновьямъ и братьямъ, находящимся въ рядахъ арміи, если имъ разрѣшается отпускъ, не прѣзжать на родину въ Прибалтійскій край. Русскому офицеру лучше не знать, какъ обходятся съ его родными, какова судьба близкихъ его. Я спрашиваю, что можемъ мы сказать тѣмъ изъ нашихъ сыновей, которымъ суждено вернуться къ вамъ послѣ войны. Вникните, господа, хоть на одну минуту въ наше положеніе и скажите мнѣ: неужели вы находите правильнымъ, чтобы мы были вынуждены сказать имъ: „Въ то время, когда вы сражались, въ это время правительство допустило, чтобы васъ и вашихъ близкихъ лишили чести довѣрія и правъ русскихъ подданныхъ, оставляя за вами одно только право умереть за Россію, и только тѣхъ изъ вашихъ товарищей признають полноправными сынами Россіи, которые наувѣченны лежатъ тамъ, въ окопахъ, положившіе жизнь за Царя“.

Эти прекрасныя, патріотическія слова имѣли бы глубокой смыслъ и преисполнили бы населеніе Россіи полнымъ довѣріемъ къ г. прибалтійцамъ, если бы они имѣли право

¹⁾ „Нов. Вр.“ 2 апр.

сказать со всѣхъ трибунъ, что нѣкоторые изъ ихъ сыновей, братьевъ и племянниковъ не сражаются въ рядахъ германской арміи, не заслуживаютъ тамъ желѣзныхъ крестовъ, не получаютъ тамъ раненій отъ русскихъ пуль и снарядовъ и не кладутъ свою жизнь за германскаго императора.

Г. Маура въ „Вечернемъ Времени“ ¹⁾ сообщаетъ:

Въ гамбургскомъ „Börsen-Courier“ и въ „Rheinische-Westfälische Zeitung“ помѣщены совершенно однородныя статьи. Обѣ говорятъ о необходимости пріобрѣсти для нуждъ внутренняго рынка необходимое количество льна. Газеты сознаются, что запасы хлопка, доставляемаго изъ Египта и Индіи, исчерпаны и потребность въ волокнѣ необходимо пополнить льномъ. Англія не дастъ волокна, но въ сосѣдней Россіи возможно добыть ленъ.

Россія вывозитъ почти 17 мил. пудовъ льна, въ томъ числѣ въ Германію и Австрію—около 8 мил. пудовъ. Германцы учредили особый синдикатъ въ Швеціи, дѣйствующій, конечно, подъ шведскимъ флагомъ, но получившій изъ Германіи порученіе скупать ленъ для вывоза официально въ Швецію. Цѣлымъ рядъ германскихъ агентовъ ждетъ результата начатыхъ уже синдикатомъ съ нашими льноводами переговоровъ, и, по мѣрѣ того, какъ въ Швеціи будутъ приходить вагоны съ русскимъ льномъ, они будутъ немедленно отправляться въ Германію. По крайней мѣрѣ 100 вагоновъ льна уже готовы къ отправкѣ. Называютъ имена и сроки сдѣлокъ.

Передаютъ, что германцами убито 30.000 дѣтей.

Германцы организовали возстаніе въ Дублинѣ. Толпа вооруженныхъ людей заняла одинъ изъ городскихъ парковъ и силою завладѣла почтовымъ отдѣленіемъ; были перерѣзаны телефонныя и телеграфныя провода и занято нѣсколько прилегающихъ къ набережной домовъ. Конечно, англичане вскорѣ прикончатъ эту тевтонскую авантюру.

5—8 апрѣля. Въ 1915 году оштрафовано въ Петроградѣ 54.467 торговцевъ, взыскано съ нихъ штрафа 2.770.626 руб.

¹⁾ „Веч. Вр.“ 2 апр.

лей. Посажено подъ арестъ 7.127 человекъ. Лучше было бы, если бы сажали подъ арестъ безъ штрафа.

Письма изъ арміи отличаются удивительно бодрымъ настроеніемъ; всѣмъ довольны, отлично кормятъ, тепло и хорошо одѣты.

Въ Петроградѣ появилась нѣмецколюбивая газета „День“, которая изъ всѣхъ силъ отстаиваетъ нѣмецкое засилье.

Личные торговцы держатъ веразгруженными на товарныхъ станціяхъ значительные запасы яицъ.

Сенатору Кузьмину поручено производить предварительное слѣдствіе по обвиненіямъ на бывшего военнаго министра, отставнаго генерала-отъ-кавалеріи Сухомлинова.

Особенно интересна корреспонденція ¹⁾ Ратманова объ оригинальномъ побѣгѣ изъ плѣна русскаго офицера:

Съ особымъ интересомъ слушается рассказъ о бѣгствѣ изъ австрійскаго плѣна корнета Алдатова, находящагося сейчасъ на излѣченіи въ одномъ изъ мѣстныхъ военныхъ лазаретовъ. Надо удивляться той исключительной настойчивости, которая была проявлена имъ при осуществленіи столь сложнаго и рискованнаго плана бѣгства.

— Тяжело въ плѣну!—началъ свой рассказъ офицеръ.— И не даромъ многіе изъ плѣнныхъ только и мечтаютъ о побѣгѣ.

Къ мысли о побѣгѣ пришелъ и я, когда лежалъ въ вѣвскомъ госпиталѣ. Но осуществить тогда эту мысль я еще не могъ; слишкомъ ужъ строгъ былъ за мной надзоръ, да и незалѣченная рана на груди давала сильно себя чувствовать.

Съ трудомъ добылъ карту и сталъ намѣчать пути бѣгства. Сначала хотѣлъ бѣжать въ Италію, потомъ въ Румынію. Долго работалъ надъ составленіемъ плана, изучалъ все,

¹⁾ „Нов. Вр.“ 7 апрѣля с. г.

волновался. Какъ вдругъ слѣдующій фактъ меня неожиданно натолкнулъ на счастливую мысль.

Какъ разъ въ то время Турція объявила намъ войну.

Имѣя внѣшность восточнаго типа, я, какъ уроженецъ Кавказа, хорошо къ тому же говорю по-татарски и турецки и знаю всѣ обычаи мусульманъ. И вотъ, рѣшивъ предложить свои услуги турецкому правительству, я выдалъ себя за мусульманина и заявилъ о желаніи принять участіе въ священной войнѣ.

— Вѣдь если меня отправятъ въ турецкую армію,—разсуждалъ я,—то не иначе, какъ черезъ Румынію, такъ какъ другого пути не было: у Дарданелль—англичане и французы, черезъ Сербію—тоже нельзя; ну а изъ Румыніи уже не трудно будетъ бѣжать въ Россію.

Скрывая отъ всѣхъ свой планъ, подалъ въ Австрійскій Красный Крестъ соотвѣтствующее заявленіе, добавивъ къ своей фамиліи „Алибековъ“, для большаго сходства съ магометанскою.

Началось мучительное ожиданіе отвѣта. Отвѣта не было. А черезъ мѣсяць я былъ отправленъ отсюда въ лагерь военноплѣнныхъ, въ Зоннтагбергъ.

Огромный замокъ, расположенный въ живописной мѣстности, служилъ убѣжищемъ для заточенныхъ узниковъ. Познакомился съ новыми товарищами по несчастью. Всѣхъ видимо угнетала эта убогая жизнь плѣнника, и многіе мечтали о побѣгѣ. О своемъ планѣ бѣгства я и здѣсь также умолчалъ, вполнѣ сознавая, что одно неосторожное слово могло бы сразу все разстроить.

Однако время шло, а результата нѣтъ.

— Ужъ не оставили ли мою просьбу безъ послѣдствій?.. Надо какъ-нибудь напомнить о себѣ...

Въ то время комендантомъ нашего лагеря былъ австрійскій майоръ. Обращеніе его съ нами было довольно таки вѣжливое. Выбравъ однажды удобный моментъ, я посвятилъ коменданта въ свои тайны. Онъ выслушалъ меня внимательно и тотчасъ же послалъ въ Красный Крестъ письмо. Съ этихъ поръ его отношенія ко мнѣ измѣнились замѣтно къ лучшему.

Началась новая, казалось бы, вполнѣ сносная для меня жизнь. Но это только казалось, въ дѣйствительности же я ни минуты не имѣлъ покоя. Зная, что за мной слѣдятъ, я постоянно былъ на чеку. А это не такъ-то легко. Вѣди

съ одной стороны я не могъ портить добрыхъ отношеній съ товарищами, съ другой же—малѣйшее проявленіе интимности и дружбы съ ними могло бросить тѣнь подозрѣнія и испортить мнѣ все дѣло.

И вотъ, гдѣ бы я ни былъ, сидѣлъ ли съ товарищами въ ресторанѣ замка за обѣдомъ или гулялъ вокругъ костела—обычное мѣсто нашей прогулки—я всегда старался быть задумчивымъ и держался въ сторонѣ. Этимъ я какъ бы хотѣлъ показать наблюдающимъ австрійскимъ лейтенантамъ, что теперь уже я ихъ союзникъ.

Наконецъ насталъ счастливый день. Къ намъ въ Зоннтагбергъ пріѣхалъ генералъ изъ австрійскаго военнаго министерства. Этотъ его пріѣздъ, какъ потомъ оказалось, былъ въ связи съ поданнымъ мною заявленіемъ.

Всѣхъ плѣнныхъ офицеровъ онъ вызывалъ къ себѣ по очереди и спрашивалъ, какъ и при какихъ именно обстоятельствахъ каждый попалъ въ плѣнъ.

Дошла и до меня очередь.

— Вотъ онъ, лейтенантъ Алибековъ!—почтительно заявилъ генералу комендантъ и тотчасъ же вышелъ изъ комнаты.

Въ комнатѣ, кромѣ меня и генерала, никого больше не было...

Я чувствовалъ, какъ сердце забило тревогу, какъ росло волненіе.

— Выдержу ли это первое испытаніе? Не выдамъ ли чѣмъ-нибудь себя?..

Генералъ внимательно осмотрѣлъ меня съ ногъ до головы и затѣмъ обратился на чисто русскомъ языкѣ:

— Правда ли, что вы желаете поступить на службу въ турецкую армію?..

— Такъ точно!—отвѣтилъ я, самъ въ душѣ удивляясь спокойному и увѣренному тону своего голоса.

Далѣе шли разспросы, откуда я родомъ, кто были мои родители и пр. Потомъ генералъ всталъ, привѣтливо улыбнулся и, пожавъ на прощанье руку, добавилъ:

— На дняхъ комендантъ получитъ увѣдомленіе изъ военнаго министерства, и вы отправитесь тогда въ Вѣну для представленія турецкому посланнику...

Черезъ двѣ недѣли послѣ этого меня потребовалъ комендантъ.

— Получено приказаніе васъ отправить въ Вѣну. Во вторникъ вы должны будете выѣхать...

Затѣмъ началось совмѣстное съ нимъ обсужденіе моего отъѣзда, которое надо было чѣмъ-либо обосновать, чтобы отвлечь возможное подозрѣніе русскихъ офицеровъ.

— Когда будете на прогулкѣ, — совѣтовалъ комендантъ, — вы зайдите въ костель и тамъ спрячьтесь, какъ бы съ цѣлью побѣга. Часовые найдутъ васъ, послѣ чего вы будете отправлены на городскую гауптвахту въ Вѣну.

— Нѣтъ! — возразилъ я. — Отъ этой комедіи я отказываюсь. Ужъ пусть лучше меня, яко бы, отправятъ за „тихое“ поведеніе въ другой, лучшей по условіямъ жизни лагерь около Вѣны.

Комендантъ согласился. О предстоявшемъ перемѣщеніи я рассказалъ всѣмъ товарищамъ, чему никто собственно не удивился, такъ какъ случаи подобныхъ перемѣщеній бывали нерѣдко.

Насталъ день отъѣзда. Въ 6 час. утра меня разбудилъ капралъ. Быстро вскочилъ, смотрю въ окно: снѣгъ крупными хлопьями падаетъ на землю. Спустился въ ресторанъ. Комендантъ уже тамъ, меня поджидаетъ. Наскоро выпили кофе, встали, а въ это время неожиданно подходитъ ко мнѣ дочь хозяйки ресторана, Рези, и подаетъ большую коробку конфетъ, съ трогательной надписью: „Von Herzen Liebe!“... Рези была ко мнѣ равнодушна и провожая плакала.

Еще всѣ спали, когда я съ комендантомъ отъѣзжалъ на вокзалъ. 4 часа, проведенные въ вагонѣ, пролетѣли какъ-то незамѣтно. Я смотрѣлъ разсѣянно въ окно, весь охваченный своими переживаніями. Предстоящая встрѣча съ турецкимъ посланникомъ меня порядочно-таки волновала.

Пріѣхали въ Вѣну. Съ вокзала тотчасъ же направились къ посланнику. Казалось, никого я по пути не видѣлъ, не слышалъ ни шума трамваевъ, ни гудковъ автомобилей. Тогда я былъ во власти особыхъ думъ, только онѣ мною владѣли. Вѣдь отъ этого визита зависѣлъ весь дальнѣйшій успѣхъ плана.

Съ сильно бьющимся сердцемъ я перешагнулъ черезъ порогъ роскошнаго кабинета. Здѣсь былъ секретарь и другіе

члены турецкой миссии. Тотчасъ же вошелъ и самъ посланникъ. Худенькій, небольшого роста, съ типичнымъ лицомъ турка, онъ былъ одѣтъ въ темный штатскій костюмъ съ красной феской на головѣ.

— Салама-лейкумъ!—промолвилъ я, отвѣсивъ поклонъ.

— Ой, Алекумъ-исаламъ!—отвѣтилъ посланникъ, одобрительно взглянувъ на меня.

Съди. Начались разговоры, все время по-турецки. Мнѣ вскорѣ же удалось овладѣть ихъ вниманіемъ, и я началъ передавать о себѣ все, что заранѣе было мною выдуманно.

— Я осетинъ изъ Моздока. Родителей въ живыхъ нѣтъ, изъ родственниковъ же у меня остался лишь дядя, закончившій образованіе въ Константинополѣ въ медресѣ (высшее учебное заведеніе). Самъ я учился въ русскомъ реальномъ училищѣ, гдѣ преподаваніе арабскаго языка и моленіе преслѣдовалось правительствомъ. И немудрено поэтому, что главныя основы магометанскаго богослуженія во мнѣ заглохли и я теперь не знаю Корана...

Послѣднее умышленно было мною добавлено изъ боязни услышать вопросъ посланника изъ Корана.

— Тѣмъ не менѣе,—продолжалъ я,—въ душѣ я все же ревностный магометанинъ. И такихъ магометанъ, не умѣющихъ дѣлать намазъ (моленіе), на Кавказѣ много.

— Да, да!—воскликнулъ посланникъ.—Вы правы. Русскіе издавна насъ не любятъ. Они гяуры!..

Съ дѣланно грустнымъ видомъ я вслушивался затѣмъ въ дальнѣйшую рѣчь посланника, горячо трактовавшаго о крайне печальномъ положеніи мусульманъ на Кавказѣ.

— Ничего, не горюйте!—закончилъ онъ.—Теперь скоро будете вы нашимъ офицеромъ. Я напишу о васъ въ Стамбуль военному министру, и, по полученіи отвѣта, вы поѣдете туда.

Затѣмъ онъ обратился къ сидѣвшему рядомъ со мной коменданту.

— Лейтенантъ Али-бей пусть погоститъ у васъ до тѣхъ поръ, пока я не получу указанія изъ Стамбула...

— Хорошо, хорошо!—отвѣтилъ майоръ и привѣтливо улыбнулся. Улыбнулся и всѣ остальные, а я скромно сидѣлъ, едва сдерживая вдругъ нахлынувшую радость....

Вскорѣ вошли лакеи и подали кофѣ. Затѣмъ посланникъ пригласилъ насъ къ обѣду. Мы вошли въ огромный свѣтлый залъ съ позолоченными лѣпными украшеніями, съ большими портретами султана, выдающихся турецкихъ

дѣятелей и прежнихъ вѣнскихъ посланниковъ. Посреди стоялъ великолѣпно сервированный столъ. Сюда же вошли два маленькихъ турченка. Это дѣти посланника. Познакомилась.

— Вотъ этотъ дядя скоро поѣдетъ на войну бить гяуровъ! — шутливо сказалъ дѣтямъ посланникъ, указывая на меня.

Обѣдъ былъ вкусный. Было очень оживленно.

— Алла, Алла, бисмиллахи Рохмаврахимъ! ¹⁾ — воскликнулъ посланникъ, высоко поднявъ бокалъ, послѣ чего вскорѣ всѣ встали изъ-за стола и, поблагодаривъ гостепріимнаго хозяина, попрощались.

Поданный автомобиль быстро доставилъ меня и коменданта въ австрійское военное министерство. Тамъ мы пробыли недолго и тотчасъ же поѣхали въ сопровожденіи штабнаго лейтенанта въ одну изъ первоклассныхъ гостиницъ въ самомъ центрѣ Вѣны, недалеко отъ Ринкштрассе. Въ гостиницѣ мнѣ отвели роскошную комнату, а въ денщики нааначили австрійскаго солдата.

Съ этого времени я предоставленъ былъ самому себѣ, и для меня началась сказочная, въ сравненіи съ недавнимъ прошлымъ, жизнь.

Здѣсь часто меня посѣщали австрійскіе офицеры. Чувствуя во мнѣ добраго товарища, какимъ я ужъло прикидывался, они всячески старались познакомиться возможно ближе.

Я самъ порою не вѣрилъ тому, какъ удачно я могъ вести эту тонкую игру лжи и обмана, какъ легко мнѣ удавалось раагонять набѣгающія иногда тѣни подозрѣній... И чѣмъ тѣснѣе становилась дружба съ этими офицерами, тѣмъ оводобнѣе и легче мнѣ было справляться со своей ролью.

Какъ-то, помню, пріѣхалъ ко мнѣ комендантъ и вручилъ пакетъ отъ военнаго министерства съ 600 кронами, — это на мелкіе расходы. На экипировку же были особо отпущены деньги.

---

¹⁾ Дао, Воже, дао, Воже — во имя Создателя вселенной.

Форма русскаго офицера меня страшно смущала: слишкомъ неудобно было выходить на улицу, особенно днемъ. И вотъ вмѣстѣ съ комендантомъ я повѣхалъ въ универсальный магазинъ, гдѣ и купилъ себѣ лучшій штатскій костюмъ, нѣсколько паръ ботинокъ и другія вещи, до серебряной палочки включительно.

На другой день я уже былъ вѣнскимъ фравтомъ, одѣтымъ по послѣдней модѣ. Ко мнѣ прѣехали на автомобилѣ знакомые австрійскіе лейтенанты, гусары фонъ-Р. и фонъ-Ф. со своими симпатіями, и мы отправились кутить. Послѣ этого часто мы бывали другъ у друга, посѣщали вмѣстѣ театры, кинематографы и рестораны.

Однажды эти новые друзья пригласили меня къ себѣ на семейный балъ. Среди приглашенныхъ было много офицеровъ и дамъ. Много танцевали, играли въ летучую почту, фанты и пр. Наконецъ сѣли ужинать. Смѣхъ, разговоры, звонъ бокаловъ, все слилось въ какой-то своеобразный шумъ. Царило полное оживленіе. Въ это самое время вошелъ денщикъ и передалъ лейтенанту фонъ-Р. газету.

— Господа! вдругъ громко воскликнулъ лейтенантъ. — Ужасные слухи оправдались!.. Перемышль палъ!..

Наступила мертвая тишина. У всѣхъ, даже у дамъ, лица сдѣлались серьезными, когда читалось это первое официальное сообщеніе австрійскаго генеральнаго штаба.

Настроеніе пало. Вечеръ былъ окончателно отравленъ печальнымъ сообщеніемъ, и гости вскорѣ же начали разъѣзжаться.

На слѣдующій день я нарочно вышелъ на улицу, желая понаблюдать, какъ отразится на всѣхъ вѣсть о паденіи крѣпости. Правда, слухи объ этомъ уже ходили по городу и ранѣе, но все же многіе сомнѣвались и не вѣрили, тѣмъ болѣе, что до самаго послѣдняго момента генеральный штабъ старался всячески поддержать въ народѣ вѣру въ силу Перемышля, въ то время, какъ въ дѣйствительности въ этой крѣпости уже давно царилъ голодъ, эпидеміи и полное разложеніе военной дисциплины.

Почти всюду тогда на улицахъ Вѣны собирались толпы народа, раздавались отдѣльные голоса возмущенія, росло негодованіе на правительство, ведущее страну къ вѣрной гибели. Батальоны пѣхоты, подъ командой офицеровъ, шли

понура голову, безъ музыки и пѣсень. Шли лѣниво, какъ будто отпала охота къ занятіямъ.

И долго еще потомъ наблюдалось впечатлѣніе общей растерянности, угнетеннаго настроенія и полнаго упадка.

Однако этой шумной и безпечной для меня жизни вскорѣ наступилъ конецъ. Меня вызвали къ турецкому посланнику.

— О, Алибековъ!—сказалъ восторженно посланникъ— вы приняты въ нашу армію!.. Въ Стамбуль всѣ въ восторгѣ отъ такого небывалаго перехода офицера русской службы...

И въ доказательство искренняго расположенія онъ тутъ же вручилъ мнѣ союзнической серебряный знакъ и, подаривъ феску, лично надѣлъ ее мнѣ на голову.

Наканунѣ моего отъѣзда въ Стамбуль у посланника былъ устроенъ прощальный балъ, гдѣ и познакомился я съ турецкимъ капитаномъ генеральнаго штаба, назначеннымъ сопровождать меня въ Турцію. Веселились до 5 час. утра, а въ 10 час. утра уже были всѣ на вокзалѣ. Провожать меня пріѣхали вѣсколько знакомыхъ австрійскихъ офицеровъ и дамъ. Они просили не забывать о нихъ, писать имъ съ пути и по пріѣздѣ въ Стамбуль.

Ровно въ 11 час. утра поѣздъ тронулся. Я долго еще смотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ навсегда уже скрылись изъ виду знакомыя лица. Передъ глазами поползли рѣденькіе лѣса, поля и отдѣльныя селенія...

Черезъ 6 час. мы приближались къ Будапешту. Подъѣзжая къ станціи, я замѣтилъ на перонѣ отдѣльную группу людей,—кто въ котелкахъ, кто въ фескахъ.

Это, какъ оказалось, была будапештская турецкая миссія съ посланникомъ во главѣ. Они пріѣхали встрѣтить меня, какъ почетнаго гостя, получивъ предварительную телеграмму отъ вѣнскаго посланника. Сопровождавшій меня капитанъ познакомилъ со всѣми, послѣ чего посланникъ пригласилъ насъ къ себѣ ужинать.

Не устраивала меня эта новая встрѣча. Все казалось, что и здѣсь еще продолжаютъ меня испытывать и провѣрять.

— Какой же вы тогда магометанинъ, разъ намазъ

дѣлать забыли!.. — шутливо бросилъ посланникъ въ разговорѣ за ужиномъ... Всѣ засмѣялись...

И на сей разъ испытаніе блестяще было выдержано.

Въ Будапештѣ я пробылъ 3 дня и притомъ почти исключительно въ обществѣ турокъ. Съ ними посѣщала театры, кинематографы, тонко ведя все время свою игру.

На четвертый день былъ назначенъ нашъ отъѣздъ. На вокзалѣ мнѣ неожиданно привелось встрѣтиться съ фонъ-деръ-Гольцъ-пашой. Онъ направлялся въ Константинополь со своимъ адъютантомъ, турецкимъ офицеромъ, и оберстомъ, германскимъ штабъ-офицеромъ. Меня представили, сообщивъ подробно о моемъ намѣреніи участвовать въ священной войнѣ.

— Это хорошо, — сказалъ онъ. — Нужно бы всѣмъ чинамъ русской службы магометанскаго вѣроисповѣданія перейти на сторону турокъ...

Къ поѣзду былъ прицѣпленъ императорскій-султанскій вагонъ, въ которомъ и помѣстился фонъ-деръ-Гольцъ-паша со своими спутниками.

Черезъ нѣсколько времени, въ пути, я былъ удостоенъ милостиваго вниманія фонъ-деръ-Гольцъ-паши, который пригласилъ меня въ свое купе побесѣдовать. Разговоръ нашъ носилъ совершенно частный характеръ.

Отвѣчая на его вопросы, я рассказалъ, гдѣ получилъ общее и военное образованіе. Затѣмъ, желая польстить его самолюбію, умышленно добавилъ, будто бы юнкера Виленскаго военнаго училища, которое окончилъ и я, очень интересовались его личностью, изучая его талантливую книгу „Нѣмецкій солдатъ въ бою“.

— Пріятно слышать, — сказалъ онъ, улыбаясь. — Теперь мы часто будемъ съ вами встрѣчаться...

Затѣмъ пригласилъ меня къ обѣду въ вагонъ-ресторанъ, и здѣсь надолго еще затянулася наша бесѣда.

Наконецъ поѣздъ сталъ приближаться къ Румыніи — къ странѣ моихъ мечтаній, гдѣ должно было свершиться великое въ моей жизни.

Къ моему счастью нашъ путь проходилъ черезъ Букарестъ.

— Вѣдь тамъ нашъ посланникъ!—радовался я.—Это обстоятельство можетъ въ значительной степени облегчить осуществленіе моего побѣга въ Россію.

Мозгъ усиленно работалъ, изобрѣтая всевозможные способы обмана бдительности моихъ спутниковъ и особенно турецкаго капитана. За время пути мнѣ все же удалось пріучить ихъ къ временному моему отсутствію изъ вагона, для чего я часто уходилъ одинъ то на площадку, то въ сосѣдній вагонъ, или въ вагонъ-ресторанъ, стараясь всегда самъ каждый разъ возвращаться въ свое купе, не ожидая ихъ вызова. На остановкахъ нарочно гулялъ по платформѣ до самаго послѣдняго момента, послѣ чего на ходу вскакивалъ въ ближайшій вагонъ и затѣмъ, не спѣша, приходилъ уже въ свой. Такимъ образомъ мое временное отсутствіе послѣ отхода поѣзда уже не должно было вызывать никакихъ подозрѣній.

Стоило большихъ усилій, чтобы скрыть нараставшее волненіе при нашемъ приближеніи къ Букаресту. Вотъ, наконецъ, и вокзалъ, такъ памятный теперь для меня. На платформѣ большое оживленіе,—масса публики. Мои спутники подошли къ окну и беззаботно стали разсматривать снующую взадъ и впередъ толпу.

Я воспользовался этимъ моментомъ и, захвативъ маленькій чемоданъ, незамѣтно вышелъ на площадку вагона.

Сердце било тревогу. Это былъ рѣшительный и послѣдній моментъ...

И вотъ, какъ только тронулся поѣздъ, я быстро перешелъ въ противоположный движенію конецъ черезъ нѣсколько вагоновъ и, соскочивъ на тихомъ еще ходу, слился съ толпой, хлынувшей къ выходу...

Сѣлъ на извозчика и поѣхалъ къ русскому посланнику. Здѣсь ко мнѣ отнеслись сперва съ нѣкоторымъ недоверіемъ, тѣмъ болѣе, что въ удостовѣреніи личности, кромѣ турецкаго паспорта, гдѣ я значился подъ фамиліей Али-Бей, у меня ничего больше на рукахъ не имѣлось. Однако, рассказанная мною исторія побѣга заставила измѣнить обо мнѣ мнѣніе, послѣ чего и было мнѣ выдано надлежащее проходное свидѣтельство.

Не могу передать словами охватившаго меня радостнаго чувства, когда попалъ въ поѣздъ, отправляющійся въ Россію! До этого момента я все же тревожился еще за свою участь, видя буквально въ каждомъ человѣкѣ шпіона. Теперь же сразу отпала волна крови отъ сердца. Мысль о страхѣ

стала почему-то смѣшной, ее смѣнила дѣтская безудержная радость.

— Но что только было, когда я снова попалъ въ родной подкъ! Эту восторженную и теплую встрѣчу боевыхъ товарищей я до конца дней не забуду.

Г. Петровъ въ „Русскомъ Словѣ“¹⁾ утверждаетъ: до несомнѣнной и мельчайшей точности отмѣчая, что за время войны германцы похоронили у себя внутри страны равнымъ счетомъ четвертую часть вашихъ плѣнныхъ тамъ. Другими словами, германскій плѣнъ отправляетъ на кладбище каждаго четвертаго несчастнаго, попавшаго туда.

Объявлена такса на яйца передъ Пасхой. Лишь только таксу объявили, какъ торговцы убрали всѣ яйца. Петроградскому обывателю пришлось купить нѣсколько яицъ и совершенно случайно ему прислали нѣсколько десятковъ яицъ. Если бы не было этой присылки, то пришлось бы сидѣть безъ краснаго яичка на Свѣтлый День.

Въ большихъ магазинахъ на Невскомъ за поросенка просятъ отъ 20—25 рублей, и яблоки отъ 8—20 рублей за штуку.

Нотъ каковы благочестивые, россійскіе торговцы.

* 9 апреля. Высадка русскихъ войскъ въ Марсели произвела большое впечатлѣніе на общественное мнѣніе всей Европы. Нейтральная печать сообщаетъ, что во Францію посланы отборные полки, составленные изъ закаленныхъ въ бояхъ офицеровъ и солдатъ.

Г. Арс. Вознесенскій въ „Новомъ Времени“²⁾ сообщаетъ по поводу рѣчи барона Шиллинга въ Государственномъ Совѣтѣ о родѣ бароновъ Шиллинговъ.

1) „Рус. Сл.“ 9 апреля с. г.

2) „Нов. Вр.“ 9 апреля

I.

Рѣчь барона Шиллинга въ Государственномъ Совѣтѣ обратила заслуженное вниманіе. Шутка ли, въ теченіе болѣе часа, съ совершенно несвойственнымъ тяжелой германской крови энтузіазмомъ говорить о своемъ русскомъ патриотизмѣ, клясться въ лояльности Государю, кивать на „суворинскую“ печать и перечислять всѣхъ своихъ хотя бы и отдаленныхъ родственниковъ, которые такъ или иначе сражаются противъ Германіи!

Но баронъ не закончилъ списка своей именитой и знатной родни. Онъ позабылъ о тѣхъ, гораздо болѣе многочисленныхъ Шиллингахъ, которые дерутся противъ Россіи въ рядахъ нашихъ враговъ, пруссаковъ. И вотъ о нихъ мнѣ случайно напомнилъ все тотъ же „Готскій Альманахъ“.

II.

Въ небольшомъ томикѣ альманаха столбового германскаго дворянства подъ заглавіемъ „Готская карманная книжка баронскихъ родовъ“, изд. 1916 г. (Gothaisches Genealogisches Taschenbuch der Freiherrlichen Häuser“) на стр. 727 и послѣдующихъ читаемъ:

Бароны Шиллинги.

- 1) Баронъ (Freiherr) Эрнестъ - Вильгельмъ - Августъ - Францъ-Викторъ—прусскій поручикъ въ отставкѣ.
- 2) Баронъ Вильгельмъ-Августъ-Александръ—капитанъ, ротный командиръ въ 1-мъ прусскомъ гвардейскомъ пѣлотномъ полку.
- 3) Баронъ Людвигъ - Карлъ — прусскій поручикъ въ отставкѣ.
- 4) Баронъ Фридрихъ—прусскій майоръ, командиръ эскадрона въ 7-мъ гусарскомъ прусскомъ полку.
- 5) Баронъ Леопольдъ-Адольфъ—короля вюртембергскаго полка ротмистръ въ отставкѣ.
- 6) Баронъ Евгенийъ—прусскій майоръ л.-гв. гусарскаго полка въ Потсдамѣ.
- 7) Баронъ Александръ-Августъ—прусскій ротмистръ, эскадронный командиръ 7-го гусарскаго полка.

8) Баронъ Феодоръ-Фердинандъ-Эдуардъ-Викторъ—короля баварскаго полка, капитанъ въ отставкѣ.

9) Баронъ Вальтеръ—старшій поручикъ (оберъ-лейтенантъ) и адъютантъ 1-го полевого артиллерійскаго прусскаго полка.

10) Баронъ Германъ—прусскій капитанъ въ отставкѣ.

11) Баронъ Губертъ—прусскій майоръ въ отставкѣ.

12) Баронъ Вильгельмъ—прусскій оберъ-лейтенантъ въ отставкѣ.

У б и т ы:

13) Баронъ Карлъ Шиллингъ, майоръ, батальонный командиръ прусскаго 118 пѣхотнаго полка—† 2 ноября 1914 г.

14) Баронъ Рудольфъ Шиллингъ—прусскій оберъ-лейтенантъ лейбъ-гренадерскаго полка № 109—† 20 августа 1914 года.

15) Баронъ Германъ Шиллингъ—прусскій поручикъ лейбъ-гренадерскаго полка № 109—† 11 мая 1915 года.

Съ 1-го по 10-е апрѣля боевыя дѣйствія протекали такимъ образомъ: на западномъ фронтѣ—продолжались столкновенія развѣдывательныхъ партій, ружейная и артиллерійская перестрѣлка, полеты аэроплановъ и минная борьба. Нѣкоторыя особенности на участкахъ этого фронта происходили у предмостнаго укрѣпленія Иксюля на Рижскомъ фронтѣ. Вотъ уже прошло нѣсколько мѣсяцевъ, какъ нѣмцы тщетно долбятъ это вынесенное на лѣвый берегъ укрѣпленіе своей тяжелой артиллеріей и производятъ неизмѣнно неудачныя атаки.

Къ югу отъ Двинскаго фронта у д.д. Свинцянь и Сморгони атаки нѣмцевъ были отбиты, а въ районѣ Горбуновки мы захватили 4 ряда проволочныхъ загражденій.

На Волынскомъ фронтѣ происходили бои у Олыка, а на Галиційскомъ у дер. Попова Гора наступленіе сопровождалось перемѣннымъ успѣхомъ.

На Кавказскомъ фронтѣ. Генералъ Юденичъ и его кавказскіе орлы вершатъ чудеса храбрости и искусства. У Битлиса разбита нами вновь прибывшая дивизія. У Ашкомы, къ западу отъ Эрзерума, мы овладѣли укрѣпленной позиціей, которую обороняли прибывшія съ Галипольскаго полуострова турецкія войска; мы овладѣли сильно укрѣпленной позиціей на лѣвомъ берегу Кара-Дере, при энергичномъ

содѣйствіи полевой артиллеріи и черноморскаго флота. Наконецъ войсками генерала Ляхова взяты Трапезовы.

Относительно позорнаго потопленія госпитальнаго судна „Португалія“ турецкое правительство привело мальчишескія и не менѣе позорныя оправданія, которыя мы здѣсь приводимъ съ разъясненіемъ нашего морскаго генеральнаго штаба.

Турецкое правительство нашло наконецъ возможнымъ отозваться по поводу потопленія госпитальнаго судна „Португалія“, приведя въ своемъ сообщеніи нижеслѣдующія указанія: 1) Судно было замѣчено подводной лодкою еще ночью, когда оно шло къ берегу, неся топовый огонь. 2) Съ разсвѣтомъ было установлено, что русское судно имѣло на буксирѣ нѣсколько шлюпокъ, наполненныхъ солдатами. 3) Командиръ подводной лодки передъ взрывомъ убѣдился, что имѣетъ передъ собою выкрашенный въ сѣрый цвѣтъ съ красной полосой военный транспортъ, занятый выгрузкою боевыхъ припасовъ. 4) на суднѣ не имѣлось никакихъ опознательныхъ знаковъ „Краснаго Креста“. 5) Атакуя „Португалию“, лодкѣ удалось попасть въ нее второй миною, взорвавшейся подъ мостикомъ и вызвавшей взрывъ большого количества варьчатыхъ веществъ, несомнѣнно находившихся на суднѣ. 6) Если при этомъ дѣйствительно погибли люди, принадлежащіе къ личному составу „Краснаго Креста“, то турецкое правительство изъясняетъ глубокое сожалѣніе, указывая однако, что вина въ этомъ падаетъ на русскихъ, допустившихъ присутствіе личнаго состава „Краснаго Креста“ на суднѣ, которое служило военнымъ цѣлямъ и имѣло назначеніе нанести вредъ турецкому правительству.

По этому поводу морской генеральный штабъ напоминаетъ, что атака „Португаліи“ была произведена въ ясное свѣтлое утро и на разстояніи всего лишь 25 саж., послѣ того какъ лодка обошла судно кругомъ подъ кормою съ одного борта на другой вплотную. При такомъ условіи командиръ подводной лодки не могъ ошибиться, не могъ не увидѣть опознательныхъ знаковъ „Краснаго Креста“ съ бѣлою окраскою судна, не могъ принять боты, предназначенныя для перевозки раненыхъ, за шлюпки, наполненныя солдатами, не могъ предположить, что имѣетъ передъ собою военный транспортъ, занятый выгрузкою боевыхъ запасовъ,

и не могъ принять эффектъ взрыва своей мины за детонацію какихъ-то взрывчатыхъ веществъ, якобы находившихся на „Португаліи“.

Кромѣ того, само же турецкое сообщеніе указываетъ, что лодка еще ночью увидѣла топовый огонь госпитальнаго судна, идущаго совершенно открыто и безъ какой бы то ни было защиты. Между тѣмъ всѣмъ военнымъ морякамъ извѣстно, что во время войны войсковые транспорты, идя въ сферѣ вѣроятнаго вoadѣйствія непріятеля, огней ночью не несутъ и идутъ въ сопровожденіи необходимой защиты, отнюдь не останавливаясь открыто въ непріятельскихъ водахъ.

Такимъ образомъ, редація непріятельскаго сообщенія, рассчитанная, повидимому, на то, чтобы внушить обществу предположеніе объ ошибкѣ командира подводной лодки, не выдерживаетъ ни малѣйшей критики, ни въ чемъ не мѣняетъ нашего мнѣнія о безнравственныхъ методахъ, примѣняемыхъ непріателемъ во время настоящей войны, и не уменьшаетъ ответственности турецкаго правительства за противузаконное потопленіе признаннаго имъ госпитальнаго судна „Португалія“.

В. П.

